

Ю. Н. ЗАВАДОВСКИЙ
И. С. КАЦНЕЛЬСОН



МЕРОИТСКИЙ
ЯЗЫК



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Ю. Н. ЗАВАДОВСКИЙ
И. С. КАЦНЕЛЬСОН

ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ

МЕРОИТСКИЙ
ЯЗЫК



*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Н. А. Дворянков, Н. А. Лисовская (ученый секретарь),
Ю. Я. Плам, Г. Д. Санжеев, В. М. Солнцев (председатель)

Впервые написан грамматический очерк языка древнего Судана. На этом языке говорили в Мероэ и в Напате — древних столицах Куша. Введение излагает историю древнего Судана и историю дешифровки мероитских надписей. Затем дается фонология и морфология мероитского языка. Надписи еще не полностью дешифрованы, но тексты, выбранные в качестве образцов, прочтены с достаточной степенью надежности.

З 70104-163 206-80. 4602010000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В. Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М. С. Тамильский язык.

Дворянков Н. А. Язык пушту.

Дмитриев Н. К. Турецкий язык.

Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули.

Зограф Г. А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит.

Катенина Т. Е. Язык хинди.

Мазур Ю. Н. Корейский язык.

Мячина Е. О. Язык суахили.

Наджиб Э. Н. Современный уйгурский язык.

Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников.

Петруничева З. Н. Язык телугу.

Рубинчик Ю. А. Современный персидский язык.

Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык.
Смирнова М. А. Язык хауса.
Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И. Вьетнамский язык.
Теселкин А. С., Алиева Н. Ф. Индонезийский язык.
Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н. И. Язык панджаби.
Фельдман Н. И. Японский язык.
Фролова В. А. Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В. Д. Ассамский язык.
Горгониев Ю. А. Кхмерский язык.
Коростовцев М. А. Египетский язык.
Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М. Китайский язык.
Курдоев К. К. Курдский язык.
Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф. Тайский язык.
Охотина Н. В. Язык зулу.
Рерих Ю. Н. Тибетский язык.
Сердюченко Г. П. Чжуанский язык.
Теселкин А. С. Яванский язык.
Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык.
Яковлева И. П. Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М. С. Язык каннада.
Дымшиц З. М. Язык урду.
Соколов С. Н. Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В. Д. Мальгашский язык.
Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба.
Иванов В. В. Хеттский язык.
Катенина Т. Е. Язык маратхи.
Маун Маун Ньюн, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М. Бирманский язык.
Насилов В. М. Древнеуйгурский язык.
Оранский И. М. Иранские языки.
Пашков В. К. Маньчжурский язык.
Тенишев Э. Р. Саларский язык.
Теселкин А. С. Древнеяванский язык (кави).
Шифман И. Ш. Финикийский язык.
Яковлева В. К. Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т. В. Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В. В. Сингальский язык.
Еланская А. И. Коптский язык.
Карпушкин Б. М. Язык ория.
Липин А. А. Аккадский язык.
Меликишвили Г. А. Урартский язык.
Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык.
Токарская В. П. Язык малинке (мандинго).
Церетели К. Г. Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М. С. Дравидийские языки.
Аракин В. Д. Индонезийские языки.
Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык.
Дьяконов И. М. Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали.
Ефимов В. А. Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н. И. Язык непали.
Павленко А. П. Сунданский язык.
Савельева Л. В. Язык гуджарати.
Сегерт Ст. Угаритский язык.
Эдельман Д. И. Дардские языки.
Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка.
Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г. М. Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е. М. Бенгальский язык.
Егорова Р. П. Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л. И. Тагальский язык.
Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык.
Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю. Н. Берберский язык.
Крупа В. Язык маори.
Старинин В. П. Эфиопский язык.

1968 г.

Кямилев С. Х. Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е. В. Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И. М. Язык хеттских иероглифов.
Миронов С. А. Язык африкаанс.
Пахалина Т. Н. Памирские языки.

1970 г.

Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски.
Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю. А. Язык ленди.

1971 г.

Андронов М. С. Язык браун.
Захарьин Б. А., Эдельман Д. И. Язык кашмири.
Титов Е. Г. Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я. Лаосский язык.
Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В. Д. Самоанский язык.
Крюков М. В. Язык иньских надписей.
Топорова И. Н. Язык лингала.

1974 г.

Вильскер Л. Х. Самаритянский язык.
Леонтьев А. А. Папуасские языки.
Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма
XI—XV вв.

1975 г.

Крупа В. Полинезийские языки.
Сирк Ю. Х. Бугийский язык.
Фихман Б. С. Язык игбо.

1977 г.

Лебедев В. В. Поздний среднеарабский язык (XIII—XVIII вв.).

1978 г.

Вертоградова В. В. Пракриты.

Морев Л. Н. Язык лы.
Москалев А. А. Язык дуаньских яо (язык ну).

1979 г.

Гузев В. Г. Староосманский язык.
Дубнова Е. З. Язык руанда.
Завадовский Ю. Н. Тунисский диалект арабского языка.
Церетели К. Г. Сирийский язык.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: 103045 Москва, ул. Жданова, 12/1, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Этот краткий очерк посвящен языку надписей Мероитского царства. Оно существовало с VI в. до н. э. до середины IV в. н. э. на территории современного Судана, занимая также часть Северной Нубии, ныне входящей в состав Арабской Республики Египет. Самоназвание этого государства, засвидетельствованное еще древнеегипетскими надписями, — Куш; точно так же называлась эта страна в анналах ассирийских царей, в клинописных надписях древних иранцев и в Библии. Однако в научной литературе, опирающейся на греко-римскую традицию, а затем и на средневековую арабскую, Куш до самого последнего времени именовался то Эфиопией, то Нубией. Но в действительности греки называли Эфиопией многие южные страны, заселенные народами с темным цветом кожи: Индию, Аксум, Северную и Центральную Африку. Кроме того, есть и современное государство Эфиопия (Абиссиния, Хабаш), территориально совершенно не совпадающее с областью древнего Куша. Таким образом, принятое в научной литературе обозначение неизбежно вносит путаницу — в лучшем случае можно было бы заимствовать другое греческое обозначение страны — Нильская Эфиопия, но и оно дает искаженное представление, ибо границы этой Нильской Эфиопии далеко не у всех античных авторов совпадают с истинными границами Куша.

В равной степени неправомерно именование Нубия. Оно возникло позднее, и в это определение никогда не включалось географическое понятие «остров Мероэ», которым греки обозначали обширную область, расположенную в междуречье Белого и Голубого Нила и Атбары. А как раз именно здесь находились главные политические, религиозные и культурные центры Мероитского царства.

Поэтому, чтобы исключить недоразумения, следует согласиться с американским египтологом и археологом Д. Данхемом, который в 1946 г. предложил возвратиться к древнему самоназванию страны — Куш [19]. Время после перенесения центра государства в Мероэ в VI в. до н. э. до завоевания его Аксумом в IV в. н. э. принято обозначать как эпоху Мероитского

царства по главному городу страны — Мероэ (греческая форма $\mu\epsilon\rho\acute{o}\tau\eta$ от *тги*, соотв. *тг'* мероитских текстов).

Результатом успехов, достигнутых в изучении Куша, было возникновение в самые последние годы новой отрасли в науках о древнем Востоке — мероистики. Задача, поставленная авторами настоящей книги, — познакомить в сжатой форме с ее достижениями, в первую очередь в области изучения языка. Уровень наших знаний в исследуемой отрасли вынуждает рассматривать высказанные здесь предположения только как рабочие гипотезы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Более семидесяти лет прошло с тех пор, как английский египтолог Фрэнсис Ллуэлин Гриффис установил звуковое значение подавляющего числа знаков мероитского алфавита. Однако, за исключением отдельных слов и некоторых стандартных формул и выражений, мероитские надписи связному переводу не поддаются. Таким образом, наши знания о мероитском языке находятся примерно на том же уровне, что и знания о языке этрусков, алфавит которых известен давно, но содержание надписей до сих пор остается скрытым. И в обоих случаях это объясняется отсутствием билингв и невозможностью и по сей день установить, к какой именно семье или группе языков принадлежат языки мероитов и этрусков.

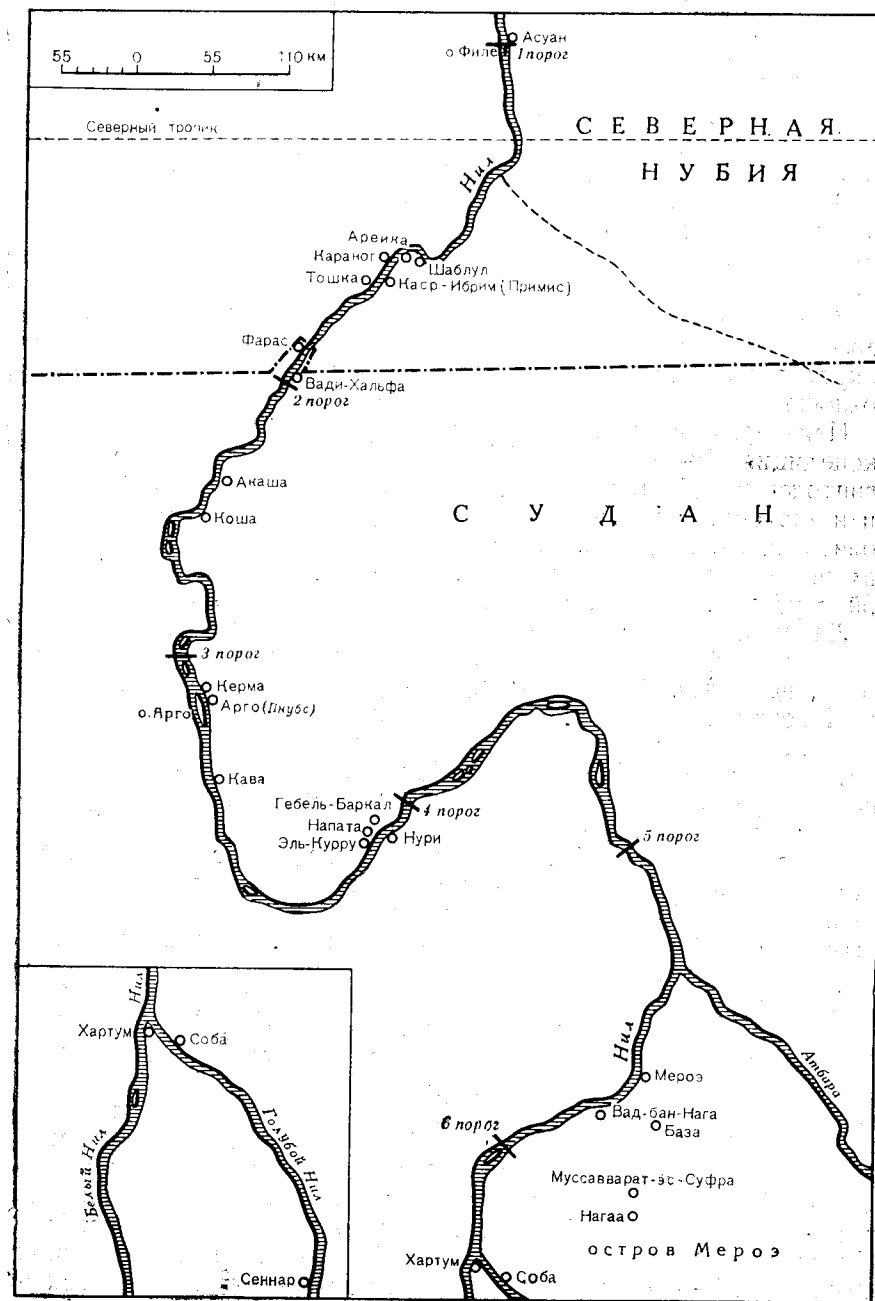
До самого последнего времени мы почти ничего не знали об обитателях далекой южной окраины древнего мира — Мероитского царства. Правда, о нем можно найти отрывочные сведения в сочинениях Геродота, Страбона, Диодора и Плиния, где истина переплетается с вымыслом. Что касается объективных археологических данных, то более или менее систематические раскопки в Судане начались лишь с нынешнего века, да и то в сравнительно скромном масштабе.

И в минувшем столетии, и в первые десятилетия нынешнего достойными внимания истории признавались лишь те древние народы, чья культура оказала в той или иной степени влияние на культуру античности, а через нее на становление и развитие общеевропейской цивилизации. Известный французский египтолог Г. Масперо, вслед за ним и другие ученые называли их «классическими» и поэтому в первую очередь подлежащими изучению. Таким образом, страны, расположенные на периферии греческой ойкумены, — Куш (Нильская Эфиопия древних греков), Аксум, Сабейское и Минейское царства, — сами испытывавшие на себе воздействие великих культур Ближнего и Среднего Востока, не привлекали внимания исследователей, придерживающихся европоцентристских взглядов. А та-

ких было подавляющее большинство. Ни у Г. Масперо, выступившего в 1895—1900 гг. «Древнюю историю народов классического Востока», основанную на всех доступных тогда источниках, как письменных, так и вещественных, ни у других исследователей о Мероитском царстве либо вообще ничего не говорилось, либо упоминалось попутно буквально в нескольких фразах¹, причем его культура определялась как постепенная варваризация и вырождение египетской цивилизации. Отсюда делался вывод, что в истории человечества оно не сыграло сколько-нибудь заметной роли и изучением его можно пренебречь. Подобные взгляды, глубоко антиисторические и по существу ошибочные, на долгие годы задержали исследование своеобразной культуры Мероэ.

Другая причина, второстепенная, но усугублявшая первую, — отдаленность и труднодоступность области, где находились основные ее центры, неблагоприятные климатические условия, а в последние десятилетия прошлого века эти трудности усугубились восстанием Махди, охватившим Судан и сделавшим его недоступным для европейцев. Сказалось и обычное пренебрежение, присущее буржуазной науке, к культуре народов, находившихся под ярмом колониального гнета. Но все же в последнее время наметились существенные сдвиги. Не могло не оказать влияния национально-освободительное движение, охватившее страны Азии и Африки, десятилетиями, а то и столетиями находившиеся под гнетом колониальных держав.

Первые европейцы попадают в Судан лишь в XVIII в. В 1737 г. в Египет и Судан был послан датский капитан Ф. Л. Норден, а в 1769 г. на территории, где в древности процветало царство Мероэ, побывал известный английский путешественник Д. Брюс. В 1813 г. сюда приехал швейцарец И. Буркхардт. Но все они составили первые описания тех памятников Куша, которые сохранились на поверхности земли. Приоритет археологических изысканий в Куше принадлежит англичанам Д. Ваддингтону и Б. Ханбери, которые опубликовали отчет о своей работе в 1822 г. Однако гораздо большее научное значение имели изыскания двух французов — Ф. Кайо и Л. Линан де Беллефона. Ф. Кайо посетил Судан почти одновременно с Д. Ваддингтоном и Б. Ханбери, но он проник значительно южнее и первым описал руины Мероэ, Нагаа, Мусаварат эс-Суфры, а также определил местоположение многих храмов. Им впервые изучены рельефы, украшавшие их стены; Ф. Кайо также первый опубликовал мероитские надписи. Его, равно как и Л. Линан де Беллефона, можно считать основопо-



¹ Единственное исключение — труд Б. А. Тураева «История древнего Востока» (первое издание которого вышло в 1911—1912 гг. в Петербурге), где царствам Напаты и Мероэ посвящены специальные главы.

ложником археологии Куша. К сожалению, отличающиеся точностью рисунки и записи последнего стали доступны лишь недавно — они были изданы только в 1958 г.

В 1833 г. Д. Хоскинс дополнил описание Ф. Кайо, сняв план трех основных групп пирамид Мероэ, которые он правильно определил как усыпальницы царей и цариц Куша. Им же сделаны планы и зарисовки ряда храмов.

В следующем, 1834 г. итальянский врач Д. Ферлини буквально вломился в царские гробницы Мероэ: пирамиду царицы Аманишакете, сохранившуюся лучше других, — быть может, единственное уцелевшее царское захоронение — он снес начисто. Правда, он нашел множество ювелирных изделий из золота и серебра, дающих наглядное представление о высоком уровне искусства Мероэ и поразительном умении живших там художников.

Неизмеримо большее значение для науки имела известная экспедиция 1842—1845 гг., руководимая основоположником египтологии в Германии Р. Лепсиусом. Ее участники осмотрели и зарисовали важнейшие известные тогда руины мероитских политических и культовых центров — Мероэ, Нагаа, Мусавварат эс-Суфры, Собы, Сеннара. Они описали памятники Северной Нубии. В огромном двенадцатитомном атласе, изданном Р. Лепсиусом и поныне не утратившем своего значения, содержится множество копий текстов и рисунков отдельных памятников, выполненных с необыкновенной тщательностью. Именно Р. Лепсиусу, а затем О. Мариэтту наука обязана открытием и публикацией египтоязычных анналов царей Напаты и Мероэ — Пианхи, Аспелты, Горсиотефа, Настасена. И поныне они служат одним из основных источников наших знаний о Мероитском царстве.

До самого конца XIX в. археологические исследования в Судане были полностью прекращены, что в значительной степени объясняется уже упомянутым выше восстанием Махди, охватившим всю страну. Этот первый этап изучения ее прошлого характеризуется «пассивным собирательством».

Несколько изменилось положение, когда на рубеже XX в. египетское правительство приступило к сооружению первой Асуанской плотины. Ученые многих стран были тогда приглашены принять участие в раскопках храмов и некрополей, попадавших в зону затопления. Но это была территория лишь Северной Нубии, а находившиеся здесь памятники относились в основном к мероитской эпохе. На юге Судана раскопки памятников мероитского времени велись только в отдельных местах — Керме, Каве, Напате, Мероэ. Правда, и в Северной Нубии А. Вейгалл, а вслед за ним Д. Рейзнер и его помощник Фирс в 1906—1911 гг. обнаружили ряд памятников мероитской эпохи, но их отчеты представляют собой хотя и достаточно совершенные, но все же очень краткие каталоги. Одновремен-

но группа ученых под руководством Г. Масперо занималась обследованием, описанием и реставрацией многочисленных храмов того же района. В результате их совместных усилий с 1909 по 1938 г. появилось 15 томов серии «Затопленные храмы Нубии» («Temples immergés de la Nubie»), содержащие огромный материал, в том числе и эпиграфический, относящийся к мероитскому времени. Тогда же Д. Кроуфут, совершивший несколько поездок по «острову Мероэ», опубликовал краткое описание руин древних городов Мероэ, Базы, Собы, Гебель-Гейли и т. д.

Вторая часть этой книги, написанная Ф. Л. Гриффисом [27], содержит перечень и анализ обнаруженных здесь мероитских надписей. Одновременно Ф. Л. Гриффис в другой работе издал надписи, открытые в Северной Нубии — Шаблуле и Караногге, экспедицией Пенсильванского университета [25]. В одном из «Отчетов» этой экспедиции, посвященном раскопкам в Арейке, Ф. Л. Гриффис впервые изложил результаты своих исследований по дешифровке мероитского алфавита [52].

Эти три публикации Ф. Л. Гриффиса до сих пор остаются незаменимыми пособиями.

Огромное значение для восстановления истории страны имели раскопки Д. Рейзнера в Каве (1913—1916), в храмах у Гебель-Баркала (1915—1916), в царских некрополях Нури и Эль-Курру (1918—1920) и особенно в трех некрополях Мероэ; однако собственно мероитских надписей здесь было обнаружено сравнительно немного, к тому же они до сих пор так и не опубликованы.

В 30—50 годы объем археологических исследований в Северной Нубии и Судане значительно сократился. Из памятников мероитского времени обнаружены были преимущественно захоронения и погребальный инвентарь.

Начало новому этапу в археологическом изучении этого района было положено в 1955 г., когда после революции в Египте, а затем и в Судане, принесшей освобождение этим странам от колониального многолетнего ига, возник проект строительства Асуанской плотины, завершено при активном содействии Советского Союза. Под водой должна была скрыться долина Нила на протяжении 500 км, от первого порога на севере до Коши на юге. Следовало провести грандиозные работы по фиксации, изучению и спасению памятников древности. Вот уже два десятилетия посланные многими странами (в том числе и СССР) экспедиции под руководством ЮНЕСКО трудятся над завершением этой задачи. Естественно, основное внимание уделялось зоне затопления. Поэтому раскопки южнее этой зоны ведутся лишь в отдельных местах. Здесь наибольшее значение, если ограничиться мероитской эпохой и преимущественно относящимися к ней памятниками письменности, имеют работы ученых из ГДР в Мусавварат эс-Суфре, которыми ру-

ководит Ф. Хинце. С 1960 г., работая над восстановлением храма львиноголового бога Апедемака и комплекса других храмов и сооружений, включая и ирригационные, они обнаружили много надписей и граффити. Неизвестные прежде надписи были ими открыты и в Мероэ.

В 1958—1960 гг. в Вад-бан-Наге французский археолог Ж. Веркуттер расчистил дворец, принадлежавший, очевидно, «кандакам» — матерям царей, где помимо других очень интересных находок имелась и мероитская надпись.

В Северной Нубии новые тексты открыты в последнее десятилетие в Караногге; там в греко-римскую эпоху находился административный центр приграничной области Мероитского царства. Тексты также были обнаружены в Каср Ибриме (Примисе), в Тошке, Фарасе, Акше и т. д. Особенно примечательно, что в Каср Ибриме в 1966 г. и последующие годы впервые удалось найти мероитские папирусы; здесь же обнаружены и остраконы. К сожалению, они до сих пор не опубликованы, так же как и многие надписи, с изданием которых дело обстоит далеко не благополучно. Поэтому нельзя не отметить заслуги Б. А. Тураева, который в 1913 г. опубликовал принадлежавшую ему мероитскую надпись [14]¹. Эта надпись относится к числу достаточно длинных мероитских текстов: в ней уцелела 21 строка. Надписи с фрагмента стелы и жертвенника, входившие в состав коллекции В. С. Голенищева, были в свое время включены в корпус надписей, изданных Ф. Л. Гриффисом [26, ч. 2, с. 52, 55]. Некоторое количество текстов, преимущественно заупокойных, издал Ф. Хинце [30; 33], а также У. Моннере де Виллар, который переиздал вместе с некоторыми новыми надписями и известные прежде, пытаясь уточнить их чтение [47; 48].

С 1953 г. Служба древностей Судана выпускает специальный журнал «Kush», где помещаются исследования по вопросам истории и истории культуры страны до завоевания ее арабами, отчеты об археологических раскопках и публикации отдельных памятников — вещественных и письменных; к 1968 г. вышло 15 томов. С 1968 г. в Париже стал выходить бюллетень «Meroitic Newsletters», издаваемый Ж. Лекланом, А. Хейлером и Б. Триггером. В основном он посвящен проблемам языка и публикации текстов. С 1951 г., сначала с интервалами, а с 1961 г. ежегодно проф. Ж. Леклан в «Orientalia» помещает обзоры открытий археологических экспедиций, работающих в Египте и Судане, с подробной библиографией, подводя каждый раз итог тому, что сделано в течение очередного сезона раскопок.

Как уже было сказано, мероитские тексты почти недоступны нашему пониманию. Читая их, мы улавливаем значение от-

¹ Она была переиздана У. Моннере де Вилларом [48, с. 113—117].

дельных слов, главным образом это имена собственные, названия городов или храмов, порой мы догадываемся об общем смысле той или иной нестандартной надписи, например анналов. Впрочем, их очень немного. В основном же это надписи на надгробных стелах и жертвенных плитах, они однообразны и лапидарны. Эти надписи дают некоторый материал для суждения о религиозных верованиях и, конечно, материал по ономастике и просопографии. Иногда приводятся и титулы, далеко не всегда понятные. Таким образом, из всех этих текстов пока можно извлечь значительно меньше, чем они могли бы дать даже при всей своей ограниченности.

Что касается текстов нестандартных, то, бесспорно, самый значительный из них — «Большая стела» царевича Акинидада, найденная в 1913—1914 гг. в небольшом храме, находящемся в 2—3 км к югу от Мероэ. Насколько удалось пока разобраться, в ней, видимо, идет речь о событиях войны кушитов с римлянами при императоре Августе, о которой упоминает и Страбон (XVII, 1, 54). К сожалению, нам понятны лишь обрывки фраз этого несомненно весьма существенного для истории страны документа. Еще менее ясно содержание стелы царя Танийдамани (161 строка!), найденной в 1920 г. Д. Рейзнером в одном из храмов у Гебель-Баркала. Доступно пока значение лишь немногих отдельных слов, что совершенно недостаточно, чтобы понять, о чем говорится в этом самом длинном из известных доселе мероитских текстов: Остается пока скрытым и содержание уже упомянутой надписи из собрания Б. А. Тураева.

Таково же положение и с остраконами и мероитскими граффити на стенах храмов. Они дают не больше, чем надписи на надгробных плитах или жертвенниках. Что касается остраконов, то изданы из них пока единицы; см., например [26, с. 79—80].

Вот почему наши знания об истории, государственном строе, культуре и религии Куша эпохи Мероитского царства во многом зиждутся лишь на обрывочных сообщениях греческих и римских историков, на египтоязычных анналах мероитских царей и различных памятниках материальной культуры, искусства и архитектуры. И так, многое пока остается неясным. Мы лишь в общих чертах можем проследить историю Мероитского царства, и лишь отдельные эпизоды более или менее обстоятельно могут быть восстановлены с помощью дошедших до нас египтоязычных анналов или отдельных упоминаний в трудах античных авторов.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Согласно египетским источникам, топоним Куш как название вновь возникающего государства появляется еще в период Среднего царства (ок. 2050 — ок. 1750 гг. до н. э.). В то вре-

мя под Кушем обычно понималась область долины Нила между первым и четвертым порогами, малопригодная для земледелия из-за недостатка земли. Нил здесь тесно окаймлен скалами, иногда подступающими непосредственно к его руслу. Далее простираются бесплодные пустыни — Аравийская с востока и Ливийская (Сахара) с запада. Египтян в Куш привлекали золотые рудники, находившиеся в Аравийской пустыне, и возможность захвата рабов. Кроме того, по Нилу пролегал путь в некоторые области Центральной и Восточной Африки, откуда вывозились благовония, редкие породы деревьев, экзотические животные, меха, страусовые перья и т. п. Обитавшие здесь племена скотоводов, об этнической принадлежности которых будет сказано дальше, всегда испытывали нужду в сельскохозяйственных продуктах из-за недостатка пригодной для обработки земли.

С ослаблением Египта в конце Нового царства в X или даже в конце XI в. до н. э. постепенно слабеющие связи между ним и Кушем окончательно обрываются. Последующий период в три с половиной века (XI—середина VIII в. до н. э.) совершенно не освещен источниками. В первой половине VIII в. до н. э. у Священной горы (Гебель-Баркала) между третьим и четвертым порогами Нила в Напате, городе, возникшем как административный центр, очевидно, еще в XVI в. до н. э. (впервые это название упомянуто в стеле Аменхотепа II, т. е. в середине XV в. до н. э.), уже сидели независимые местные правители. О них мы фактически ничего не знаем. Алара и Кашта — первые властелины Напаты, чьи имена нам известны. Алара в современных ему надписях назван еще «вождем», и лишь в значительно более поздних текстах ему присваивается царское достоинство. Оба они, видимо, должны считаться основателями Напатского царства, как теперь называется период истории Куша с VIII по VI в. до н. э., когда столица находилась около Гебель-Баркала. Здесь располагался храм Амона — главная святыня страны.

Последующее столетие (середина VIII — середина VII в. до н. э.) при царях Пианхи, Шабакке, Шабатаке, Тахарке и Танутамоне ознаменовалось наивысшим расцветом Куша. Именно тогда он выходит на «мировую» арену, некоторое время соперничая даже с могущественной Ассирийской державой в борьбе за гегемонию на Ближнем Востоке. Около 730 г. до н. э. Пианхи завоевывает Египет и объединяет обе страны под своей властью. Он был фактическим основателем XXV династии, которую традиция прямо называет эфиопской. Разумеется, его успеху во многом способствовала раздробленность Египта, вызванная затянувшимся социально-экономическим кризисом. В памяти потомков Пианхи сохранился как основоположник могущества Куша, а имя его стало нарицательным названием царя, подобно Цезарю или Карлу. Именно при нем были соз-

даны условия, позволившие его преемнику Шабакке не только закрепиться в Египте, но и активно выступить против экспансии Ассирии.

Официальной столицей оставалась Напата, хотя Шабакка, принявший полную титулатуру фараона, вынужден был обосноваться в Дельте. В Куше, очевидно, оформился аппарат управления по египетскому образцу. Страна разделялась на области — номы. Племенные вожди, составлявшие местную знать, подчинялись Напате либо непосредственно, либо, быть может, через правителей областей.

При последующих трех фараонах XXV династии с переменным успехом продолжалась борьба с Ассирией, пока последний из них, Танутамон, не был вынужден окончательно оставить Египет и обосноваться в Куше после того, как ассирийские полчища почти полностью разграбили Фивы в 664 г. до н. э. Прямые связи между обеими странами прерываются, хотя трудно допустить, чтобы полностью прекратился обмен, в котором была заинтересована и та и другая сторона.

В результате поражения Куш оказался отрезанным от Средиземноморья. Отныне цари Напаты направляют свою экспансию на юг.

Если от ассирийцев кушиты, возможно, переняли искусство выплавки железной руды и обработки железа, что имело принципиальное значение для развития производительных сил; то из Египта были заимствованы многие верования, обычаи, установления, организация жречества и государственного аппарата, искусство, ремесло, письмо. Все это, конечно, способствовало прогрессу в Куше. Его правители стремились закрепить свою власть, подражая древним царям и следуя канонизированным традициям: они всячески подчеркивали свою приверженность древним установлениям и религии. Это стремление к восстановлению золотого века и послужило основой для возникновения сохраненной античными историками легенды о «благочестивых эфиопах». Лишившись Египта, цари Куша никогда не отказывались от претензий на него и продолжали носить полный титул фараонов.

Возможно, это послужило одной из причин вторжения в 591 г. до н. э. египетской армии в Куш, ибо подобного рода притязания представляли потенциальную угрозу для правившего тогда в Саисе Псамметиха II. Египтяне пользовались услугами греческих наемников, отряды которых, видимо, достигли Напаты и овладели ею. Быть может, передовые группы наемников проникли даже до пятого порога. Враждебные отношения между Египтом и Кушем не прекращались и впоследствии, хотя торговые связи, очевидно, не прерывались — во всяком случае, египетские караваны продолжали следовать на юг и доходили, возможно, до Сеннара.

В начале VI в. до н. э. столица Куша была перенесена

южнее, в Мероэ; за Напатою же сохранялась роль религиозного центра страны. С возвышением Мероэ начинается новый период в истории Куша. Он характеризуется прежде всего перенесением центра тяжести внутренней и в значительной степени внешней политики на юг.

Хотя древнейшее упоминание о городе Мероэ восходит к V в. до н. э., возник он, несомненно, много раньше. Здесь скрещивались торговые пути, ведущие на север и восток, к Красному морю и на юг, откуда доставлялись экзотические товары. Земли тут было много, и она была плодородна, а летом выпадали достаточно обильные осадки. Немалое значение имело также и то, что неподалеку имелись залежи железа и лес, необходимый для плавки руды. Город, который, вероятно, был окружен стенами, со временем застроился обширными дворцами, пышными храмами, имелась даже обсерватория.

Как уже упоминалось, сохранились лишь немногие анналы царей. Поэтому о политических событиях периода с 70-х годов VI в. до н. э. по 30-е годы V в. до н. э. ничего не известно. Он характеризуется дальнейшим ослаблением связей с Египтом, прежде всего культурных. Однако, как показывают памятники архитектуры и искусства того времени, страна процветала. Хотя попытка персидского царя Камбиза овладеть Кушем потерпела неудачу, мероитские цари все же некоторое время выплачивали ахеменидской Персии дань.

В Северной Нубии в то время, скорее всего, не было твердо установленной власти. Лишь время от времени появлялись отряды то кушитов, то египтян. Строго охранявшаяся граница проходила у первого порога, где стояли египетские, а затем персидские гарнизоны. Далее — до Вади-Хальфы, а порой до Пнубса — территория никем не контролировалась. Распространялась ли власть Мероэ на Кордофан, из-за отсутствия сведений установить невозможно. В Дарфуре ощущалось если не политическое, то, во всяком случае, культурное влияние Куша. Постоянные рубежи на юге, по всей вероятности, отсутствовали. Они менялись на протяжении веков. В юго-восточном направлении Мероитское царство простиралось почти до границ современной Эфиопии.

Что касается этнической принадлежности населения Мероитского царства, то во многом она еще остается неясной. Однако несомненно, что состав населения был далеко не однородным. Здесь, если иметь в виду время расцвета Мероитского царства, обитали древнейшие исконные жители долины Нила, близкие или даже тождественные додинастическим египтянам (они преобладали на севере), пришедшие с юга и доминировавшие в южных областях страны негроиды, кушиты и, быть может, немногочисленные пришельцы с запада — ливийцы. Несомненно, однако, что мероиты явились преемниками носителей так

называемой культуры группы С, расцвет которой падает на эпоху Среднего царства Египта.

Огромным влиянием, очевидно, обладало жречество, с помощью оракула предопределявшее выбор царя. Цари делали богатые пожертвования храмам, что еще более усиливало власть жрецов. Формально цари после избрания оракула утверждались войском. Судя по дошедшим до нас анналам, правителям Куша то и дело приходилось подавлять восстания отдельных подвластных племен и отражать набеги кочевников. Походы обычно завершались грабежом побежденных — это было средством пополнения казны и обогащения знати.

Анналы царя Настасена (конец IV в. до н. э.), последние по времени из пока известных, составлены на египетском языке. Искаженное начертание иероглифов, избыток «варваризмами» и ошибками язык свидетельствуют о дальнейшем ослаблении культурных связей с Египтом и усилении местного влияния. В то же время Куш постепенно начинает втягиваться в орбиту воздействия эллинистического мира.

Птолемеи были весьма заинтересованы в товарах, доставляемых из глубинных районов Африки, поэтому они стремились сохранить мир с южным соседом. Оживленный обмен с севером и интенсивная добыча золота способствовали экономическому процветанию Мероэ (при первых Птолемеях торговый путь шел по Нилу, хотя уже с середины III в. до н. э. Птолемеи приступают к усиленной разведке морского торгового пути в Восточную Африку). Одновременно усиливается и культурное и политическое влияние эллинистического Египта. При Аркамоне (Эргамене), правившем около 245—220 гг. до н. э. и получившем, очевидно, эллинистическое образование, были отменены некоторые пережитки общинно-родового строя, в первую очередь ритуальное умерщвление царя по решению жрецов, что, естественно, ослабило власть жречества и усилило власть царя.

Однако с начала II в. до н. э. мирные отношения с Птолемеями сменились враждой. Правда, в дальнейшем иногда наступали периоды мира, но в общем связи стали не столь тесными, как прежде.

Именно в эту эпоху в Мероэ появляется новая система письменности, сменившая египетскую иероглифику. Первые датированные тексты относятся к 180—170 гг. до н. э. Реформа эта имела огромное культурно-историческое значение: в Африке впервые возникает самобытное алфавитное письмо с обозначением гласных звуков. По всей вероятности, этому способствовали потребности государственного аппарата, укрепившегося после реформ Аркамона, а также потребности расширившихся торговых связей. В это же время формируется, невзирая на значительное влияние древнеегипетской культуры, а потом и эллинизма, самобытная мероитская культура, к сожа-

лению, далеко еще не изученная. Несмотря на присущий архитектуре и рельефам синкретизм, в Куше вырабатывается свой собственный стиль. Глубоко ошибочно мнение, будто мероитское искусство — лишь продукт вырождения искусства Египта. В действительности мероиты вначале творчески переосмыслили и приспособили к своим вкусам и потребностям египетские и греческие художественные формы. Но постепенно на базе этих форм в Мероэ развивается и свое, самобытное искусство с особым, присущим лишь ему художественным стилем.

О становлении и развитии в Мероэ научных представлений и образованности свидетельствуют находки развалин обсерватории, сохранивших солнечные часы, а также упоминание в надписях имен звездочетов и жрецов — хранителей «книг».

В свою очередь, Куш оказал некоторое влияние на античную цивилизацию. В Греции и Риме пользовались большим спросом доставлявшиеся из Куша товары, представления о нем, как и о некоторых других отдаленных для римлян и греков экзотических странах, ассоциируются с чем-то необыкновенным и чудесным. Поэтому художники часто вдохновляются темами, связанными с Кушем, а писатели переносят место действия своих произведений в Нильскую Эфиопию, как, например, Геллиодор.

О сложившейся в Куше обстановке перед завоеванием Египта римлянами мало известно. Видимо, это был период некоторого упадка: царские пирамиды в некрополях Мероэ уменьшаются в размерах, а убранство их становится скромнее.

Римляне, овладев в 31 г. до н. э. Египтом, продвинулись в Северную Нубию. Попытка мероитов захватить в 24 г. до н. э. Южный Египет окончилась полной неудачей. Претор Египта Петроний не только отбросил их обратно, но во время преследования дошел до Напаты, разрушил ее и многих жителей обратил в рабство. После этого Напата потеряла свое политическое и религиозное значение. Меровиты отправили к Октавиану Августу посольство с предложением мира. Он был заключен на льготных условиях, так как Рим не хотел резко обострять отношения со страной, через территорию которой поступали товары из центральных областей Африки.

С этих событий начинается последний период истории Меровитского царства, которое со временем все более обособляется от средиземноморского мира. Меровитские правители полностью отказываются от былых, хотя бы и номинальных, притязаний на Египет.

В I в. н. э. Меровитское царство еще процветает, чему благоприятствуют добрососедские отношения с Римом. К этому времени, по-видимому, относятся и первые, впрочем весьма нерегулярные, контакты Мероэ с Индией, а также с некоторыми странами Ближнего Востока. Однако с конца I в. н. э. или несколько позже начинают сказываться признаки насту-

пающего кризиса. В значительной степени он был следствием перенесения с Нила на Красное море торговых путей, ведущих в Средиземноморье из Экваториальной Африки. Города в северных областях страны оскудевают. Последний засвидетельствованный источниками эпизод в истории мирных отношений Мероэ и Рима — посольство, отправленное царем Текеридеамни в 3 г. правления Требониана Галла (253 г. н. э.). Это — одна из немногих точно зафиксированных дат мероитской истории.

Дальнейшее ухудшение положения Мероэ было связано и со значительным ослаблением позиций Римской империи в южных областях Египта при императоре Диоклетиане (284—305). Именно тогда в долину Нила из Аравийской пустыни вторгаются кочевники-блеммийцы (бега, беджа), опустошавшие оседлые районы Северной Нубии.

Полное отсутствие письменных источников лишает возможности с достаточной степенью точности определить непосредственные причины гибели Меровитского царства и познакомиться с событиями, ему сопутствовавшими. Ясно лишь, что перемещение торговых путей, конкуренция быстро развивающегося именно благодаря этому обстоятельству Аксума, последующий кризис Римской империи, сокративший спрос на предметы традиционного вывоза, воинственные племена кочевников — все это изолировало Куш, вызвав упадок в хозяйственной сфере. Не исключена возможность, что племенные вожди и царьки, подчинявшиеся прежде царям Мероэ, добились самостоятельности и даже иногда выступали против них. Видимо, пагубно сказались и климатические изменения: с I в. н. э. на территории Куша уменьшается количество осадков, в результате чего сокращается площадь обрабатываемой земли и пастбищ, а следовательно, и количество скота. Таким образом, пришло в упадок сельское хозяйство, на котором зиждилось благосостояние основной массы населения. Таковы были внутренние причины, в совокупности предопределившие гибель Меровитского царства. Но с ними сочетались и внешние.

За несколько десятилетий до падения Меровитского царства негроидные племена захватили некоторые города страны. Еще более грозным и целеустремленным противником был Аксум, который в это время находился в расцвете сил, заняв по мере ослабления Рима его место в торговле с Аравией и Африканским побережьем. Господство Аксума распространилось на оба берега Красного моря. О падении Куша мы узнаем из надписей аксумского царя Эзаны. Возможно, что еще до него какой-то ближайший его предшественник овладел Мероэ. Однако именно Эзана окончательно сломил Меровитское царство, уничтожив его как политическую единицу около 330—340 гг. н. э. Внутренний кризис ослабил военный потенциал Куша. Очевидно, снизился уровень материального благосостояния непосредствен-

ных производителей, из которых и центральная власть, и местная знать, как это бывает обычно в периоды упадка, желая восполнить ущерб в доходах, стремилась выжать все возможное. Указанные причины, имманентно сплетаясь и сочетаясь, обусловили гибель Мероитского царства. Но память о нем, как показывают записанные в Кордофана народные сказания, дожила до наших дней.

Как уже говорилось, Куш, особенно в северных областях, был беден плодородной землей, на юге же страны потребность в искусственном орошении уменьшала естественные осадки, которые редко выпадали на севере. Таким образом, отпадала необходимость в создании общей для всего государства сети оросительных сооружений, относительно невелики были возможности применения труда рабов. Как известно, именно потребность в регулировании водных ресурсов в тех странах, где реки — основной источник влаги, служила обычно прочной основой централизованной восточной деспотии. Разобщенность внутри страны усугублялась и природными условиями: трудностью сообщения по Нилу, неудобством караванных путей. Кроме того, Куш находился на далекой и труднодоступной окраине ойкумены и поэтому позже и в меньшей степени оказался втянутым в общеторговый оборот, что, естественно, обусловило сохранение ранних натуральных форм хозяйства и соответствующей им надстройки.

Вот почему в Мероитском царстве оказались столь прочными многие пережитки родо-племенного строя, исчезнувшие в Египте или сохранившиеся в рудиментарном виде, но зато весьма характерные для многих других стран Африки: избираемость царя народом (армией) и оракулом, обожествление его, связанные с этим запреты и ритуальное убийство царя по достижении предельного возраста или из-за болезни, вытекающая отсюда роль жречества, система наследования престола, пережитки матреникета, выражающиеся, в частности, в почитании матери царя, носившей особый титул «кандака», рыхлость организации государства и т. п. В известной мере все это ограничивало власть царя, хотя он считался верховным собственником всех подданных и их имущества. Не следует забывать, что нам пока доступны лишь египтоязычные надписи, которые, видимо, не всегда точно в своей терминологии и фразеологии отражают местные отношения.

Более шестнадцати веков прошло со времени гибели Мероитского царства. Однако оно еще живо, и не только в преданиях и сказаниях — в верованиях, обычаях, обрядах, материальной культуре соседних народов и племен сохраняется его наследие. Именно от мероитов заимствовали они умение выплавлять железную руду и изготавливать оружие из железа. Через Напату и Мероэ распространились по Африке представления, образы, идеи, искусство великой цивилизации Египта. Но Куш

был не только каналом, через который дальше на юг и юго-запад распространились заимствования с севера. Он создал собственную самобытную культуру, одним из величайших достижений которой была алфавитная письменность. С гибелью Мероитского царства она, подобно письменности многих других народов древности, была совершенно забыта. Ее удалось расшифровать только в начале нынешнего века.

ДЕШИФРОВКА МЕРОИТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕРОИТСКОГО ЯЗЫКА

Хотя первая датированная мероитская надпись из храма Нагаа и относится ко времени правления царицы Шанакдакете (180—170 гг. до н. э.), новая алфавитная система письменности была введена, очевидно, несколько раньше. Мероитский язык, как можно судить по омонимам и отчасти топонимам, сохранившимся в египтоязычных текстах, был распространен по крайней мере с VIII в. до н. э. Быть может, в какой-то степени появление алфавитного письма связано с прогрессивными преобразованиями Аркамона, направленными прежде всего против жрецов — оплота древних верований и хранителей традиций, в том числе и письменной. Во всяком случае, мероитское алфавитное письмо просуществовало около шести веков и вышло из употребления после захвата Мероэ Аксумом. Из двух его систем — иероглифической и курсивной — первая была древнее, так как все известные более ранние надписи, подобно надписи Шанакдакете, выполнены иероглифами, в большинстве своем заимствованными из Египта и претерпевшими в некоторых случаях определенные преобразования.

Затем появляется и так называемое курсивное письмо. Курсивным оно может быть названо лишь условно, так как знаки выписываются отдельно, несвязанно. В основу их начертаний, за сравнительно небольшим числом исключений, положены знаки египетской демотики — поздней скорописи. Постепенно курсив вытесняет иероглифику: с начала I в. н. э. иероглифические надписи встречаются значительно реже. Во всяком случае, самая поздняя из них принадлежит царю Исесбахамани, правившему, по всей видимости, в конце III в. н. э. Обе системы письма насчитывают 23 знака, обозначающих как гласные, так и согласные звуки. Каждому иероглифическому знаку соответствует курсивный. Слова отделяются друг от друга двумя или тремя точками, поставленными вертикально.

Заслуга дешифровки мероитской письменности — установление фонетического значения знаков — принадлежит известному английскому египтологу профессору Оксфордского университета Фрэнсису Ллуэлину Гриффису (1862—1934). В 1909 г. он

имя покойного, потому что третья группа знаков была отличной во всех надписях. За ним обычно стояло предложение, которое почти в половине известных Ф. Л. Гриффису текстов начиналось словом *ate* или *at*. Если вновь прибегнуть к помощи египетских заупокойных стел того времени, то там обычно за воззванием к Исиде и Осирису указывалось имя умершего, родство, титулы. Завершалось все это просьбой или молитвой о посмертном благополучии того, кому посвящалась плита или стела.

В некоторых случаях формула, предшествующая слову *ate* (*at*), была более распространенной: в ней с незначительными вариантами в орфографии вместе с другими различными словами обычно стояли слова *tdhelewi* и *terikelewi*. Тогда текст этой формулы можно записать следующим образом: *wêši: še-reyi X, Y tdhelewi, Z terikelewi*, где под X скрывается имя умершего, под Y и Z — неизвестные неповторяющиеся слова.

По аналогии с подобными египетскими формулами допустимо предположение, что Y и Z — тоже собственные имена, скажем, родителей умершего. Таким образом, очевидно, следовало читать: X, рожденный Y, порожденный Z, или что-либо в этом роде.

В дальнейшем удалось определить значение еще некоторых слов: это слова, заимствованные из египетского языка или установленные по контексту, а также по некоторому сходству с соответствующими нубийскими словами, что, естественно, в какой-то степени делает их отождествление условным. Например, к египетским принадлежат *pelameš* 'командующий', 'полководец'; *tewesti* 'поклонение', 'почитание'; *perite* 'посланец' и т. д.; к нубийским — *wayeki* 'звезда'; *ate* 'вода'; *mash* 'солнце'; *kdi* 'женщина'; *demi* 'год' и пр.

В дальнейшем работы немецкого ученого Ф. Хинце кое в чем дополнили труды Ф. Л. Гриффиса, но наши знания лексики и фонетики мероитского языка и по сей день остаются весьма скудными. Причина тому не только отсутствие двуязычных надписей — билингв, но и бесплодность попыток, несмотря на все усилия, установить, к какой семье или группе языков следует отнести мероитский.

Неизвестно, на каком языке говорили жители Куша до возникновения царств Напаты и Мероэ и находился ли он в родстве с диалектами средневекового или современного нубийского языка. Все дошедшие до нас тексты того времени — египтоязычные. В XIX в. наиболее распространенным было мнение, что мероитский язык родствен нубийскому или является его прямым предшественником, как латинский — итальянского. Этой точки зрения придерживались наиболее авторитетные специалисты, начиная с Р. Лепсиуса, в частности Г. Бругш, И. Дюмихен, Л. Рейниш, В. М. Мюллер, Я. Кралль и особенно Г. Шефер, издавший анналы царей Куша. Правда, в

дальнейшем Р. Лепсиус в обширном историческом введении, предваряющем его «Нубийскую грамматику» [41, с. СХХI—СХХVI], отказался от прежних взглядов, выдвинув теорию, что наиболее близок мероитскому язык народа бега (беджа), родственного древним блеммиям, т. е. кушитам. Но приверженцы «нубийской теории» — В. М. Мюллер и Я. Кралль — ему активно возражали. Так как мероитские тексты тогда еще читать не умели, то полемика была в общем беспочвенной: спорящие основывали свои доводы на скудных и шатких исторических данных и больше оперировали предположениями, чем обоснованными фактами.

Когда Ф. Л. Гриффис установил фонетическое значение знаков обоих мероитских алфавитов, стало совершенно очевидно, что ни с нубийским, ни с беджа мероитский язык не имеет ничего общего ни по своей структуре, ни в лексическом отношении. И блеммии и нубийцы появились в долине Нила значительно позднее, чем возникло мероитское письмо. Нубийцы, как известно, по принятии христианства воспользовались коптским письмом, а беджа — народ и поныне бесписьменный.

Правда, сам Ф. Л. Гриффис в первых своих работах, посвященных дешифровке мероитского письма, не исключал возможности более или менее тесного родства между мероитским и нубийским. Им было установлено тогда, что присущие семитским языкам согласные в мероитском языке не встречаются, что он не имеет грамматического рода и ему свойственна агглютинация. Оба последних признака присущи и нубийскому, где вместо грамматических окончаний (флексий) имеются постпозитивные частицы и суффиксы. В обоих языках определенный артикль совпадает и ставится в конце слова. В этом мнении Ф. Л. Гриффиса укрепляло и сходство отдельных мероитских слов с нубийскими, о чем уже упоминалось.

Однако по мере накопления материала и более углубленного изучения структуры мероитского языка он убедился в ошибочности своего предположения и признал, что язык мероитских надписей, видимо, не был предшественником нубийского [27]. В дальнейшем к нубийской теории уже никто более не возвращался до самого последнего времени.

В 1920 г. известный африканист К. Мейнхоф [44] высказал предположение, возвратившись к положениям Р. Лепсиуса, что мероитский язык все же должен быть отнесен к кушитским, «хамитским языкам», поскольку тогда еще эти языки рассматривали как совершенно отличные от семитских. Сейчас они определяются как семитохамитские, и этот термин подчеркивает их неразрывное единство.

Десять лет спустя, в 1930 г., с большой статьей выступил Э. Цильарц [65], поддерживая, дополняя и значительно расширяя аргументацию К. Мейнхофа. Он опубликовал в ней краткую грамматику мероитского языка, отмечая некоторые анало-

гии с африканскими языками, например, в образовании женского рода и т. д. Нельзя не отметить, что подавляющее большинство его сопоставлений и доказательств произвольно, искусственно и при сколько-нибудь серьезном разборе легко опровергается, что и сделал Ф. Хинце в очень хорошо аргументированной работе, посвященной критике теории Э. Цильярца [30, с. 355—372]². Он указал на необходимость кроме лексических совпадений установить структурное сходство языков; только таким образом можно доказать их родство или близость. Правда, Э. Цильярц приводит девять структурных признаков: строгое различие грамматического рода, изменения значения корня глагола при помощи особых префиксов, форму местоимения 1-го лица единственного числа и т. д., однако фактический материал, который приводит Ф. Хинце, обнаруживает всю несостоятельность и этой аргументации Э. Цильярца. Так, например, определяемое последним как признак женского рода окончание *-ye*³ часто встречается в существительных мужского рода; таким образом, мужской и женский род существительных в мероитском языке не различался. Толкование глагольных префиксов *a-*, *y-*, *t-*, *p-* как именных подлежащих не что иное, как беспочвенная догадка; толкование *âne* как местоимения 1-го лица единственного числа, с чем он сопоставляет *ane* в языке беджа и *ani* в языке сохо, более чем сомнительно, ибо текст, откуда взято это слово, интерпретирован неверно, а повреждения текста заставляют вообще усомниться в правильности чтения. Столь же мало убедительны и аргументированы, по мнению Ф. Хинце, и другие приводимые Э. Цильярцем доводы, на рассмотрении которых здесь нет возможности останавливаться. В итоге Ф. Хинце приходит к убеждению, что мероитский никоим образом не мог быть семитохамитским [30, с. 370] и при настоящем уровне знаний следует оставить открытым вопрос, к какой группе языков его можно отнести. Поэтому лучше всего присоединиться к высказыванию Дж. Гринберга и признать пока невозможным установление родства мероитского языка с каким-либо из существующих языков Африки [24, с. 370].

В скором времени к Ф. Хинце присоединился В. Выцихл, который в статье, посвященной проблеме изучения мероитского языка [60], отметил неправомерность отнесения его к семитохамитским языкам еще и потому, что правящая в Куше династия, по-видимому, была негроидного происхождения. Это утверждение спорно: скорее всего, правители Напаты и Мероэ, как это доказывается их верованиями, обычаями, а также и обликом, вели свой род от местных вождей и лишь

² Попытка Э. Цильярца опровергнуть эти возражения оказалась совершенно неудовлетворительной.

³ К.-Х. Призе считает окончание *ye* копулой с примерным значением 'это есть' (*es ist*) [50, с. 172].

с течением времени, в результате проникновения с юга негроидных элементов, у них появились антропологические признаки, присущие последним [5, с. 122—128]. Сам же вопрос о принадлежности мероитского языка к той или иной языковой семье, по мнению В. Выцихла, следовало бы решать на основе применения метода не сравнения, а исключения: поскольку мероитский язык, как установлено, не был хамитским (т. е. семитохамитским), его должно относить, очевидно, к каким-то зинджским языкам (хотя он и обнаруживает некоторое сходство с семитскими языками, в частности с амхарским, в выражении родительного падежа), но в то же время мероитский язык не имеет показателей класса, в противоположность языкам фула или банту, не схож он и с языками эве и нилотскими. В итоге В. Выцихл признает проблему нерешенной и отмечает только некоторые вновь установленные факты: сравнительно сложная структура слов, переход *z : r* (*Bedewe: Meroe*), образование корней глаголов (*verba conjuncta*) и т. д. Все это исключает возможность сопоставить языки большинства областей Африки с мероитским.

Наконец, в последние годы Б. Г. Триггер, занявшись изучением мероитского и восточносуданских языков, усмотрел, что общие черты, свойственные мероитскому и нубийскому, присущи и языкам Восточного Судана [57, с. 188—194; 58, с. 19—25], что доказывается некоторым грамматическим и лексическим сходством, которое не может быть объяснено влиянием. Поэтому, по его мнению, мероитский должен быть отнесен к восточносуданским языкам и, следовательно, близок нубийскому, но в меньшей степени, чем это предполагал в свое время Ф. Л. Гриффис. В первые века нашей эры племена, говорящие на этих языках, занимали северо-западные районы Судана, прилегающие к Нилу. Мероиты обитали в средней части долины Нила. К западу от нее — в прилегающих степях — жили нубийские племена. В самом начале нашей эры некоторые из них передвинулись на восток, в современную Нубию, а другие — в районы Хартума; таким образом, мероитский язык был вытеснен нубийским.

Свою теорию Б. Г. Триггер подкрепляет ссылкой на древность многих бытующих и поныне в Судане характерных черт культуры и быта, а также на стабильность физического типа населения. Впрочем, он оговаривается, что наши знания о мероитском языке пока еще слишком ограничены, и поэтому выдвигаемую им теорию следует принять лишь как гипотезу.

Но эта точка зрения вскоре нашла отклик. Ее поддержал П. Л. Шинни, который указал, что по некоторым особенностям мероитский язык был, очевидно, ближе всего к малоизученной группе языков кома [54, с. 133]. Она распространена лишь в районе Голубого Нила и Гебель-Гейли и причисляется не к восточносуданским языкам, а к группе языков чара. Поскольку

никаких доказательств в пользу этого утверждения П. Шинни не приводит, то следует пока воздержаться от каких-либо суждений. В заключение своих рассуждений он указывает, что, быть может, мероитский язык был языком господствующей прослойки, как это наблюдается у некоторых народностей Африки, где вожди и их окружение говорят на одном языке, а простой народ — на другом.

Предположению П. Шинни противоречит все, что пока известно об истории Напатского и Мeroитского царств. Уже отмечалось местное происхождение правившей там династии. Возможность захвата власти иноплеменниками, во всяком случае до введения мероитской письменности, не подтверждается решительно никаким доступным нам материалом. Для своих официальных надписей до IV в. н. э. (более поздних надписей не обнаружено) цари Напаты и Мероэ предпочитали пользоваться египетским языком, считая себя преемниками египетских фараонов, а это делает маловероятным существование особого языка господствующей прослойки, ибо тогда придется допустить существование трех языков, включая египетский. Следует также принять во внимание, что до нас дошли сотни заупокойных стел и жертвенных плит. Они принадлежали представителям различных социальных категорий, но все содержат надписи на одном языке — мероитском. Наконец, как доказал в своих убедительно аргументированных работах К. Х. Призе, язык мероитских надписей существовал уже при первых правителях Напаты.

Однако в какой-то степени предположение Б. Триггера о некотором родстве мероитского и нубийского может быть подкреплено тем соображением, что в этих языках определенный артикль — тождествен. Едва ли это случайность: слишком невероятно, чтобы в двух совершенно несхожих языках одинаково решалась одна и та же проблема. Поэтому здесь следует усматривать некоторую закономерность.

Но в общем вопрос о принадлежности мероитского языка остается пока открытым.

Помимо ряда частных наблюдений, порой очень важных и принципиальных, пока мы имеем лишь отрицательные данные. Определено, к группам каких языков мероитский язык нельзя причислить; возможно, это и облегчит дальнейшие исследования.

Трудно предугадать, какое направление они примут, если не будет обнаружена билингва, что, может быть, сразу решит все споры и даст ответ на основной вопрос — о принадлежности мероитского языка. Пока же, как нам представляется, следует расширить изыскания в Северном Кордофани и в Дарфуре. Не исключена возможность, что последние представители правившей в Мероэ династии, спасаясь от завоевателей-аксумитов, нашли вместе со своим ближайшим окружением и какой-то частью своих подданных прибежище на западе — в гористом

Северном Кордофани и Дарфуре. Таково предположение А. Аркелла, которое он подкрепляет ссылками на отдельные традиции, сохранившиеся у некоторых племен, например кагидди, предания которых говорят, что они пришли в места нынешнего обитания под предводительством царицы, погребенной затем в Гебель-Кабойе [18, с. 174]. В Северном Кордофани, в Аваду-не, обнаружено граффити на древненубийском языке, начертанное греческими буквами [19, с. 353—354]. В нем упоминается Куш. Как показывает сказка, записанная в 1912 г. в Кордофани Л. Фробениусом, воспоминание о некогда могучем и славном государстве в памяти народа сохранилось и поныне [20]. Правда, хронологическая и историческая перспективы смещены — события, о которых в ней повествуется, ассоциируются не с Мероэ, а с Напатою, — но для устной традиции, насчитывающей свыше пятнадцати веков, это вполне объяснимо. В Абу-Софиане найдены сосуды птолемеевского типа и руины какого-то сооружения, быть может кирпичной пирамиды. Другие руины находятся в Вади-эль-Милке, в Занкоре. В отдаленных, труднодоступных горных районах Кордофана жители в изолированных друг от друга селениях говорят на совершенно различных и почти лингвистически неизвестных языках и наречиях [43, с. 85—101]. На «острове Мероэ», где вообще нет нубийцев, у проживающих здесь арабских племен га'алин (?) сохранились отдельные мероитские слова, как, например, *mk* 'царь', которое и поныне применяется для обозначения вождей⁴. Быть может, именно в Кордофани следует искать следы мероитского языка? Только дальнейшие тщательные археологические, лингвистические и фольклорные изыскания в этой почти не изученной области смогут дать нам ответ.

ПИСЬМО

§ 1. СИСТЕМА ПИСЬМА

1. Мeroитские надписи сделаны двумя различными алфавитными системами.

Первая система состоит из фонетических знаков, почти целиком заимствованных из египетского иероглифического письма. Один знак был, возможно, заимствован из другого источника. Она составила иероглифический алфавит из 23 знаков — так называемое монументальное письмо (табл. I).

Среди египтологов бытует не совсем точное представление, что двадцать из этих знаков заимствованы из египетской иероглифической системы без всяких изменений и что только их

⁴ По любезному сообщению Осамы эль-Нура.

фонетическое значение в ряде случаев иное. На самом же деле без изменения не был оставлен ни один знак; все они претерпели изменения в значении, форме или хотя бы в графической ориентации.

Фонетические изменения коснулись девяти знаков — это знаки 2, 3, 6, 7, 13, 17, 18, 21, 23 (см. табл. I).

В девятнадцати знаках была изменена форма, а именно: знаки 2, 12, 14, 17, 22 реализованы в несколько иной манере; в частности, округлым формам придана «квадратность»; знаки 8, 19 упрощены;

знаки 10, 11, а возможно, 16 и 22 образованы путем сдвигания (всего знака или его частей) из египетских иероглифов;

знаки 3, 6, 7, 9, 13, 18, 21, 23 были еще сверх того повернуты на 180° вследствие изменения направления письма;

пять знаков — 1, 4, 15, 16, 20 — не имеют точных соответствий в египетской иероглифике; один из них (20) был, видимо, заимствован из ливийского письма⁵ (см. табл. II).

Из всего этого можно заключить, что мероиты не были только копировщиками, а вполне творчески подошли к своей задаче.

По системе классификации, принятой в египтологии (по А. Гардинеру), все знаки монументального письма распределяются на восемь групп:

человек — 1, 4;

части человеческого тела — 21;

животные — 3, 7, 13;

части тела животных — 23;

птицы — 9, 18;

части тела птиц — 2;

растения — 5, 11, 17;

прочие — 6, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 22.

2. Вторая система состоит почти из тех же знаков, но переработанных в особый скорописный шрифт, насчитывающий те же 23 алфавитных знака (или даже 24), — это демотическое письмо [37, с. 70—73] (табл. III).

Интересно, что редкий нерасшифрованный 24-й знак мероитского демотического алфавита в точности совпадает по своей форме с единственным нерасшифрованным знаком ливийского письма [4, с. 68].

3. Наряду с надписями, выполненными этими двумя различными системами, встречаются наскальные надписи, сделанные смешанным письмом, в котором объединяются знаки обеих систем [32, фотография].

4. Направление письма. В мероитской иероглифике —

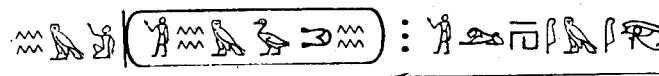
⁵ Один из авторов настоящей работы, Ю. Н. Завадовский, опубликовал сообщение на эту тему в «Notule sur une possible contamination de l'alphabet méroïtique par de système d'écriture. Libyco-Berberes». — «Bulletin d'informations méroïtiques», № 7 (1971).

в противоположность тому, что имеет место в египетском, — письмо всегда направлено в ту сторону, куда повернуты головы иероглифических изображений людей и животных, например:

(а) египетское письмо:



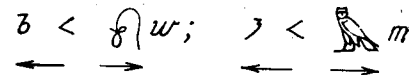
(б) мероитское письмо:



В мероитской демотике направление письма обычно справа налево и только иногда сверху вниз.

Направление письма — важный фонограмматологический фактор; возможно, некоторые мероитские знаки могли под его влиянием изменить свою форму. Для знаков, которые не изображают фигуры людей или животных, изменение направления не всегда очевидно: египетский иероглиф F.—16⁶ «рог» повернут вправо, а соответствующий знак монументального мероитского письма 23 обращен влево.

Под влиянием направления образовались и некоторые демотические знаки; например, знаки 6 и 9 произошли из правонаправленных египетских знаков соответственно:



Любопытно, что даже в построенном мероитами львином храме в Мусавват эс-Суфра надписи, сделанные египетской иероглификой на египетском языке, читаются в направлении, обратном принятому египтянами [33, с. 21].

5. Между обеими системами письма египтологи усматривают прямую связь: «Каждому иероглифическому алфавитному знаку соответствует курсивный знак. Эти знаки по своему типу весьма похожи на демотические, и их связь с последними очевидна» [7, с. 79].

Во многих случаях это действительно так. Это можно проверить, сопоставляя иероглифический и демотический знаки (см. табл. IV).

Но эта связь далеко не всегда очевидна. Так, например, для знаков 3, 11 и 12 ее установить не удастся, а для знаков


⁶ Здесь и далее нумерация египетских иероглифов дана по таблице А. Гардинера. [21а, табл.]. См. также «Список иероглифов» в книге: М. А. Коростовцев. Египетский язык. М. 1961, с. 82—102.

13, 14, 15, 19 связь нельзя считать ясной, т. е. почти в 40% случаев связь между знаками обеих систем трудно считать доказанной.

Отметим, что при создании демотических курсивных знаков 8, 10, 15, 17, 22 был осуществлен поворот знака на 45°. При этом знак 17, направленный вверх в монументальном письме, подобно еврейскому «шину», в демотическом обращен влево и имеет сигмоидальную форму, как финикийский «шин». Знаки 6 и 9 были повернуты на 180° по сравнению с египетскими.

6. Только с помощью палеографического анализа может быть решен вопрос о начертании знаков, происхождение которых остается неясным.

В таблице V приведены архаические варианты этих знаков с параллелями из других систем письменности народов средиземноморского бассейна.

В результате такого сопоставления можно считать, что после древнейшего периода ливийских влияний при выработке демотического письма сыграли свою роль отнюдь не греческие, как утверждали некоторые ученые, а семитские влияния: знаки 12, 13, 19 были, вероятно, заимствованы у семитов, а не преобразованы из монументального письма. Знака для *q* не было в древнем ливийском, а потому естественно предположить его заимствование из семитских языков, где существуют такая фонема и соответствующие ей знаки письма. Знака для *l* также не было в египетском: он был заимствован из семитских систем. Интересна история избрания знака для обозначения *r*: как мы уже отмечали, согласно принципам фонограмматологии (см. табл. I, 12), мероитские знаки для *r* были получены из египетских знаков для *r* и для *r'*. Однако существует и египетский знак , омограф мероитского знака,

имеющий совершенно иное значение — *š*. Египтологи, введенные в заблуждение этим фактом, решили, что египетский *š* почему-то стал в мероитском означать *r*. Но все дело в том, что мероиты, заимствуя для демотического письма в данном случае семитский знак, почему-то избрали для обозначения *r* знак для *š*, а не знак для *r* (см. табл. V, 12).

7. К фонограмматологическим особенностям мероитского письма, встречающимся также во многих других древних системах, следует отнести: 1) частый пропуск срединного носового; 2) неотражение геминаций на письме и гаплографию повторного слога (см. § 5.1).

Примеры⁷:

1) КТКЭ < *КНТКЭ 'кандака' (титул); НŠ < *ННŠ '[бог] Хонс';

РŠТu < *РŠНТu 'псентес' (титул); WƏRƏZIKƏYƏ < *wəra(n)dʷika-ya 'Беренике' (греческое имя собственное женщины); RƏTƏT < *'ara(n)tətə 'Арендот' (имя собственное божества); см. также § 9.1, примеры 3, 6, 8; § 9.2, пример 3; § 10.1, пример 2; § 10.5, пример 4 (однако в начале имен собственных N пишется: NSTSƏN 'Настасен'; NPTə 'Напата');

2) МКZI 'богиня' < *МК-KZI; MNPTə < *MN-NPTə (божество) 'Аманапате'; PƏZƏ < *PƏZƏ-MK; см. § 14.1.

§ 2. ЗНАКИ ДЛЯ ГЛАСНЫХ

1. Самым поразительным нововведением в мероитском письме является наличие четырех знаков, специализированных для передачи гласных.

Гриффис первым выделил эти знаки:

1	ʒ - a	š - e
2	ʒ - i	l - ê

Первый из них состоит, собственно, из двух знаков и мог бы в соответствии со схемой CV передавать гортанный приступ; (сем. «алеф», араб. «хамза»), за которым следует открытый гласный *a*, подобно арабскому \bar{a} /; + a/.

Попарное расположение знаков помогает сделать заключение, что знаки правой колонки являются простыми, из которых с помощью добавочных элементов были образованы знаки левой колонки.

2. Некоторые ученые, например Г. Йенсен и Д. Дирингер, видят в возникновении гласных в мероитском письме влияние греческого алфавита. Последний, в частности, пишет: «Совершенно очевидно, что создание алфавитной письменности из сложной египетской иероглифики было подвигом, который мог быть совершен лишь выдающейся личностью или под влиянием другой алфавитной письменности. В данном случае, по-видимому, имело место последнее. Вполне возможно, что алфавитной письменностью, под влиянием которой было сделано это изобретение, была греческая письменность. Тот факт, что в мероитской письменности были гласные, подкрепляет эту гипотезу». И еще: «Греческое влияние на мероитскую письменность, как говорилось выше, следует усматривать в появлении гласных» [2, с. 230].

⁷ Здесь и далее прописными латинскими буквами передана транслитерация слова, строчными курсивными — транскрипция. Звездочка ставится при формах, гипотетически восстанавливаемых автором.

Между тем египтяне, как хорошо известно, почти вплотную подошли к созданию собственного фонетического письма, и мероитам было не так-то трудно приспособить именно египетские фонетические знаки для передачи гласных своего языка. И если уж говорить о подвиге, то совершили его, во всяком случае, мероиты — никакого греческого влияния здесь не прослеживается, иначе, подобно тому как произошло в коптском письме, были бы заимствованы греческие знаки, а в мероитском алфавите они не обнаруживаются.

Наоборот, хорошо прослеживается отражение ларингалов *h*, *;*, *'* в знаках египетского письма и их исчезновение при переходе знака из египетского письма в мероитское, что и позволило исследователям выделить знаки для гласных (см. табл. VI). Поэтому попытка Дирингера показать влияние греческого алфавита на мероитское письмо нам кажется необоснованной.

3. Египтологи предполагают, что разные знаки для сонантов *y* и *w* могли и в египетском передавать гласные *i* и *u* [8, с. 42]. Они также отмечают, что «уже в староегипетском; несомненно подвергся какой-то качественной или количественной редукции, ибо в медиальной и финальной позиции „алеф“ нередко опускается» [8, с. 40]. Последнее замечание не оставляет сомнения в том, что в результате падения ларингалов или связанных с ними сонантов знаки, их обозначающие, приспособились в египетском письме для передачи гласных.

Напомним, что, когда греки применили для своего языка финикийский семитский алфавит, они не «выдумали» знаки для гласных, а взяли и их у финикийцев. К этому времени в финикийском письме ряд согласных произносился как гласные. Это в особенности касалось ларингалов и гортанных: $;>a$, $h>e$, $'>o$. Обозначение гласных фонем знаками для согласных произошло уже на семитской почве, и греки воспользовались готовыми фонетическими соответствиями.

4. Таким образом, если говорить о влияниях на мероитское письмо, то здесь может идти речь только о семитском влиянии. Особенно существенно еще раз подчеркнуть, что образование гласных из утраченных в произношении ларингалов произошло уже на семитской почве. «Изобретение» гласных букв греками или мероитами представлялось бы нам и в самом деле чем-то потрясающим, если бы имело место в действительности. Однако, думается, все происходило значительно проще и естественнее — как следствие изменения значения знака внутри семитского алфавита, отражающего переход в языке от полноценного ларингала к ларингалу, утратившему свое качество и ставшему гласным.

Имеются и другие системы письма, принцип создания которых подтверждает высказанное нами предположение. В армянском алфавите многие буквы восходят к арамейскому семитскому письму. «Алеф, вав, йод уже в арамейском использова-

лись как *matres lectionis*, и не удивительно поэтому, что они в армянском дали знаки для соответствующих *a*, *o*, *u*» [10, с. 113].

5. Несмотря на наличие гласных в мероитском письме, его нельзя рассматривать как полностью огласованное письмо; это скорее *scriptio defectiva*. Поэтому мы не сочли возможным провести статистический анализ надписей в отношении количества гласных, согласных знаков и их взаимосвязей, а также установления «коэффициента консонантности» [49, с. 230], т. е. вычисления среднего количества согласных знаков на один гласный; в данном случае это было бы по меньшей мере преждевременным.

В инвентарном списке надписей Каранюга — самом полном на сегодняшний день — зарегистрировано 750 разных мероитских словотипов [25].

На основании этого списка можно судить, что гласные Э(2), U(3), I(4), а также знак для R(12) и знак 24 слов не начинают (нумерация знаков здесь и далее дана по табл. I).

Около 0,6% слов имеют в инициальной позиции знак Tu(23), и столько же имеют знак N(11).

Небольшое количество слов начинается с L(13) — 1,2%, H(15) — 1,9%, S(16) — 2%.

Некоторое количество слов начинается с одной из следующих букв: Z(21) — 3%; Q(19) — 3,2%; H(14) — 3,6%; K(18) — 4%; N(10) — 4%; B(7) — 4%; Tə(22) — 4,5%; W(6) — 4,6%; T(20) — 6,4%.

Самое большое количество слов начинается следующими буквами: Y(5) — 9,3%; S(17) — 9,3%; P(8) — 10,6%; ;(1) — 12%; M(9) — 13%.

§ 3. ОСОБЫЕ ЗНАКИ

1. Групповое написание. В монументальном письме для пяти знаков характерно то, что они составлены из египетских иероглифов.

Знак 22 состоит из сложения двух египетских иероглифов и передает, видимо, слог *te* по схеме CV⁸.

Знаки 5, 10, 11, возможно, 16 образованы путем повторения одного и того же простого элемента (см. табл. I).

Согласно фонограмматологическому принципу, удвоение символизирует усиление. Для знака 5 это ясно: егип. *i+i* = мероит. *y*. Для знака 11 это, вероятно, *n+y*.

В демотике шесть знаков составлены из отдельных частей:

⁸ Причина введения этого знака могла заключаться в необходимости различать корневые лексемы; см. § 11. 2.

- 1-52, арх. 7Z, 4Z; см. § 2, 1;
 3-1, вар. //,
 5-III, вар. 11 и цифра «3»
 16-III,
 19-13, слитн. вар. Ю, Я и вар. Э;
 22-15, арх. 18, слитн. вар. К и вар. 4


2. Лигатуры существуют только в скорописи:


$$4 + 13 = 43 \text{ (Q+I);}$$


$$4 + III = 4III \text{ или } 4II \text{ (Y+I [y'i]).}$$

3. Простые знаки, передающие два звука по схеме CV. Таков знак 23, имеющий значение *tu*.

4. Выделительные знаки. В монументальном письме употребляется несколько египетских иероглифов для выделения титулов богов, царей и цариц в картушах, например:

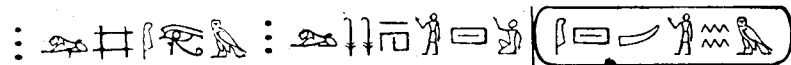
 — егип. 'nh — перед титулом;





 — егип. 'nh — после титула;

 — эпитет «владыка обеих земель»

перед царским титулом (а также некоторые другие [26, р. 2, с. 74]).

5. Разделительные знаки. Нововведением по отношению к египетскому письму в мероитском являются словоразделительные знаки: вертикальное троеточие — для монументального и вертикальное двоеточие — для демотического письма⁹. Пример троеточия для монументального письма:



⁹ В египетской иероглифике знак М—33  или  'зерна злакового растения' употребляется также в виде  или 

(MNITeRE) RITeN : MZeSL :
 '(Аманитерэ) Аритеня — слуга его этот'

Знак двоеточия, употреблявшийся, как мы сказали, в демотическом письме, в первую очередь отделяет графические слова:

: 48 113 5 III 4C 3 : 4 III 5 0 1 3 : 4 3 1 3

Реже тот же знак может служить для отделения суффикса:

- 1) 48 : 113 5 III 14 14 5 4 [25, с. 3]
- 2) 4 : R 4 3 5 2 1 III [25, с. 11]

Двоеточие может также указывать на пропуск суффикса (см. § 16. 12).

Для отделения энклитик иногда встречается знак — «одноточечный колон», например:

3) 48 113 • 4 1 4 3 48 [25, с. 81]

Двоеточие как разделительный знак используется и в других системах письма — коптском, самаритянском, эфиопском, в карийском Малой Азии, руническом Европы; в ливийском вместо двоеточия употреблялся одноточечный колон.

6. Цифры. Помимо простейшей системы штрихов, напоминающей ту, которой египтяне обозначали единицы, у жителей Напаты и Мероэ была выработана еще и другая — скорописная система записи цифр (табл. VII).

Цифровые обозначения чаще всего попадают на остраконах и на стеле из Хамадаба. Можно полагать, что система счисления была десятичной и что мероиты, как и египтяне, нуля не знали. При написании чисел разряды располагались в убывающем порядке справа налево:

IIII X — 34, IIII IIII P 3 — 298, III 2 3 2 — 1626

ФОНЕТИКА И ФONOЛОГИЯ

§ 4. СИСТЕМА КОНСОНАНТИЗМА

1. Меровитская система консонантизма не могла бесследно исчезнуть, не определив в какой-то степени ряд явлений в суперстрате, т. е. в современных языках.

Суданский диалект арабского языка и семитские языки

Эфиопии (амхарский, тигринья и др.) не восприняли полностью семитские фонологические системы как раз в силу сопротивления им местного африканского субстрата [63]. Суданский диалект арабского языка, в частности, плохо воспринял релевантные для арабского языка корреляции веларной эмфазы и звонкости, которых не было в субстрате. Так, с одной стороны, в суданском диалекте наблюдается наличие лексических форм с эмфазой и без эмфазы — примеры (а), а с другой — колебания в оппозициях глухой/звонкий — примеры (б):

- (а) *tarbuš/tarbuš* 'феска'; *tələb/taḷab* 'он просил';
 (б) *tabbūs/dabbūs* 'колочка, заколка'; *tilmās/dilmās* 'шлем'.

Кроме того, в суданском диалекте арабского языка и в языках Эфиопии появляются палатализованные согласные, типичные для языков Африки. «Амхарские шипящие, — пишет Н. В. Юшманов, — всегда мягки» [15, с. 12 и 17]. Он же указывает, что наиболее важным для амхарской фонетики является ассимилятивный процесс палатализации и что он наблюдается у каждого амхарского согласного перед гласными *e*, *i*, например: *bet-byet* 'дом'; *lelit-l'el'it* 'ночь'.

Дентальные и аффрикаты, например, часто произносятся суданцами с палатализацией или в двух вариантах — палатализованный/непалатализованный:

$t-d \quad s-z \quad š-ž \quad č-č̣ \quad n$
 $t^y-d^y \quad s^y-z^y \quad š^y-ž^y \quad č^y/t^y-č̣^y/d^y \quad n^y$

Так, в районе озера Чад *tawr* 'бык' > *t^yōr* [42]¹⁰.

Судан. *č'acān* 'черный раб' [42] соответствует магр. *šūšan* 'молодой негр'; оно заимствовано из копт. *šōšen* < егип. *sšn* 'лилия', 'белая кувшинка', которая, вероятно, с древности профилактически применялась от «дурного глаза» по отношению к неграм. Это слово и сегодня еще встречается в том же значении в арабских диалектах [61, с. 151]. Имя кушитского фараона Шешонк, возможно, содержит то же слово в элементе *šāšon* (-*q* — мероитский суффикс -*qə* 'благородный, досточтимый' [5, с. 124—125]).

В таких условиях *s* может через ряд трансформаций перейти в *č̣* или *č*; например, от араб. *sunna* образуется глагол *činn/činn* 'он очистился'.

Медиальная *č̣*, как правило, переходит в *d^y*: араб. *rāčil* 'человек' ~ судан. *rād'il*; егип. *wč;t* 'глаз Гора', 'амулет' ~ судан. *wad'a(t)* 'амулет, каури'¹¹.

Палатализованный *n*, т. е. *n^y*, в арабском диалекте Судана встречается как раз только в словах местного происхождения, например: *n^yawa* 'кот', *n^yelim* 'охота верхом'¹².

¹⁰ Д. Летхем в своем предисловии к книге обозначает палатализованные «седилью» и т. д. [42].

¹¹ С переходом ; > č̣, что закономерно [28, с. XXII].

¹² [28, с. XXIII]: «Возможно, африканское влияние». Ср. нуэр *n^yaaui* 'домашний кот'.

2. Что же касается корреляции веларной эмфазы, то она представляет собой нечто весьма специфическое, свойственное семитским языкам вообще и арабскому языку в частности. В мероитском ее нет.

По В. Выцихлу, *q* в мероитском не эмфатический звук, как в семитских языках. Но и там *q* не является эмфатической фонемой, а считается простой увулярной. Допустив наличие *ħ* в ряду увулярных, нельзя не признать того же качества за *q*.

3. Модальная второй степени корреляция звонкости, наоборот, очень распространена в семитских языках, и ее отсутствие в мероитском необычно. В. Выцихл считает, что только знаки для лабиальных и сибилантов дифференцировали глухой/звонкий, а другие знаки служили одновременно и для глухого и для звонкого [60, с. 75]. Последнее предположение допустимо лишь с некоторой оговоркой: если в классе лабиальных оппозиция *p:b* релевантна (вероятно, как *ħ:p*¹³), то в классе сибилантов нет оппозиции *s:z*, на которой он строил свою гипотезу, как не отмечены оппозиции *t:d* и *k:g*.

В особенности же удивляет отсутствие *d* и *g* в составе консонантизма. Меровитское КТКЭ в греческом написании передавалось *kandake*, т. е. мероитская графема для *t* могла не отметить звонкий звук *d*, который слышали и отметили греки. Греческое имя собственное *Ergamenes* передано в мероитском через графему 19—Q, т. е. звонкий *γ* — через глухой *q*.

Египтологи указывают, что мероитский алфавит создавался по модели египетских рядов одногласных знаков, среди которых ряд семитских звонких смычных не сохранился [59, с. 31].

4. В мероитском между рядами дентальных и среднеязычных (палатальных и палатализованных) не устанавливаются резко релевантные оппозиции. Здесь, возможно, действует корреляция палатализации.

Знаки для *S* и *š*, по выражению Гриффиса, «безнадежно перепутаны» [27, с. 117]. Это указание на то, что в оппозиции *s:š* один из членов неполноценен. Вероятно, что *š* с палатализацией, т. е. *š^y*. Судан. *č'acān* (§ 4.1) указывает также на палатализацию.

Меровитский знак 21 транскрибируется одними исследователями как *Z*, другими — как *D^y*, т. е. ему всегда придается качество звонких, которых так недостает таблице согласных.

Однако в египетском письме указанный выше знак передавал «групповое произношение» *wč;t*; после падения слабых

¹³ В египетском и в ливийском *ħ* было фрикативным. Начальный звук греко-коптского имени собственного женского *Berenike* в мероитском передано через *w* (§ 9.3).

гласных (ларингала и сонанта) мероитский удержал только аффрикату $d=g$.

Мы видели (§ 4.1), как суперстрат воспринял этот звук, и полагаем, что при наличии разногласия в дефиниции знака 21 ему следует придать значение d^y , соответствующее его произношению в суперстрате¹⁴.

Наконец, в отношении палатализации n мероитский как бы сближается с некоторыми языками Африки, так как знак 11 \dot{N} передает звук n^y или ny , отличный от дентального n , знака 10.

Мероитский титул QURĀN в египетской демотике транскрибируется *qrny* [26, р. 2, с. 72]; с другой стороны, частые переходы $n > ni$ подсказывают наличие группового, или слитного, написания, т. е. что знак 11 соответствует n плюс палатальный сонант или палатальный призвук n^y , например: ;MN> 'aman^yi 'Амон'; WUMANITH/WUMĀTH < *wuman^yittah; см. § 7.3.

5. На основании сопоставлений с египетским и коптским, а иногда и греческим, а также учитывая явления суперстрата, нами составлена таблица согласных, которая будет еще, по всей вероятности, не раз уточняться, но в целом она передает более или менее адекватно фонологические и фонетические явления мероитского консонантизма (табл. VIII).

Заднерядные согласные образуют неполные ряды, а переднерядные составляют триады, в которые входят фрикативный, смычный, носовой:

$$\begin{array}{l} \underline{b} - s - \check{s}^y \\ p - t - d^y \\ m - n - n^y \end{array}$$

6. Фрикативные численно уравниваются со смычными взрывными:

фрикативные: \underline{b} s \check{s}^y \underline{h} \underline{h} ;
взрывные: p t d^y k q .

Модальная первой степени корреляция смычности, следовательно, устанавливается по вертикали между следующими парами:

$$\begin{array}{ll} \underline{b} - p & \check{s}^y - d^y \\ s - t & \underline{h} - k \\ & \underline{h} - q \end{array}$$

¹⁴ Как отмечает А. Гримингэм, этот суданский g артикулируется посредством прикосновения средней части языка к среднему небу, чуть впереди самой крайней позиции при произношении обычного английского сильного g . Кончик языка располагается далеко впереди, так что в момент артикуляции чуть касается нижнего ряда зубов. Результатом является звук, похожий на мягкое gu или иной раз более схожий с du вследствие того факта, что точка артикуляции на среднем небе располагается где-то между точками артикуляции d и g . В таком случае этот согласный является передним небным взрывным; см. [58a].

7. Вне каких-либо классов стоят плавные и ларингал \dot{z} , точнее, глоттальный приступ (=семитский «алеф» или «хамза»). Последний, по сути, не имеет самостоятельного значения, служит только для введения начального гласного a и передается в транскрипции как 'а.

§ 5. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

1. Чтения гласных, установленные Гриффисом (см. § 2.1), весьма приблизительны: более точных знаний до сих пор не удалось получить, хотя все исследователи старались улучшить эту систему гласных.

Гласные в древних письменных системах отмечаются не строго, даже если эти системы не принадлежат к таким алфавитам, которые регулярно опускали начертание кратких гласных.

Консонантные структуры некоторых слов, например: МК 'бог', ЛН 'великий', PQR 'пакар' (титул)¹⁵, QBN 'звезда' и т. д., показывают, что огласовки приводились не систематически даже в основах слов, ибо в этих случаях они полностью отсутствуют.

Слово PĀŠTu 'псентес' (титул)¹⁶ имеет по крайней мере до четырех огласовок: PŠTu, PĀŠTu, PĀŠTI, PĀŠĒTu.

Две одинаковые буквы, написанные подряд, не выражают геминации, согласно § 1.7. Такие написания заставляют предположить недостающую огласовку: QĒNNYĒ qĕn(a)n(i)ye — имя собственное женщины [25, с. 25].

В формах некоторых слов с местоименным указательным аффиксом (артиклем) наблюдается опущение гласного a , хотя можно предположить, что это является следствием стяжения: *ktkə* — с местоименным аффиксом *ktk-l*; *paləmuš* — *palmuš-l*. Конечный гласный также постоянно подвергается апокопе: 'ašurə > 'ašur.

Теория И. Гельба о развитии семитских и других алфавитов из силлабических систем письма, весьма разумная, находит здесь подтверждение. Каждая буква мероитских алфавитов, вероятно, имела имплицитное значение C+V. Когда за этим V₁ следовал какой-либо V₂, то V₁ ему «уступал дорогу», редуцировался перед ним, обращался в «шва», т. е. в «ничто» — «сукун» или ноль, в «вираму». На примере *ktkə/ktk-l* это хорошо проявляется: замыкающий, конечный гласный пишется, чтобы избежать недоразумения, когда слово обрывается; но он не нужен и не пишется, когда за словом следует суффикс, ибо без гласного последний согласный слова практически произ-

¹⁵ Возможно, 'принц', наследник престола; см. [5, с. 227].

¹⁶ То же, что пакар.

носим и, следовательно, должен его в себе нести [23, с. 122 и сл.].

Таким образом, мы вправе заключить, что мероитское письмо представляет собой *scriptio defectiva*, несмотря на наличие гласных. Правда, в некоторых случаях можно встретить рядом со *scriptio defectiva* (а) форму того же слова, написанного *scriptio plena* (б):

(а) PŠTu;

(б) PŠEŠTu.

2. Гласный *a*, даже если он ударный, как правило, не отмечается ни в середине, ни в конце слов. Греч. *Ναπάτα* '(город) Напата' пишется NPT/NPTə, но, видимо, произносилось *napatə*.

Хорошим примером может служить мероитское написание КТКЭ, имеющее в греческом параллель *kandake* 'кандака'¹⁷ с гласным *a* в первом и во втором слогах. На этом основании можно предположить мероитское чтение **ka(n)takə*, т. е. восстановить гласные, без которых невозможно произнести это слово; при этом не мешает иметь в виду, что V₁ может быть назализованным (*ā*).

В инициальной позиции гласный *a* всегда сопровождает ларингал ;, что на письме выражается двойным знаком (1). Двойное написание знака позволяет предположить, что, подобно «алефу с хамзой» в арабском письме, он представляет собой сочетание гласного с согласным. Действительно, он, видимо, передает египетские и коптские ларингалы плюс гласный, например: ;NT <копт. *hont* 'жрец'; ;MNI <егип. *mn* 'Амон'.

В транскрипции его поэтому принято сопровождать значком '—*a*. Однако и здесь, в инициальной позиции, *a* часто бывает нестабильным, о чем свидетельствуют следующие параллельные написания:

;BR—BR 'abr;

;MNI—MNI 'amni;

;MNP—MNP 'amnp;

;MƏTƏW—MƏTƏW 'amətəw;

;PZMK—PZMK 'apzəmak;

;ŠURƏ—ŠURƏ 'ašurə.

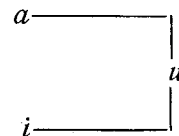
3. Гласный *i* в инициальной позиции не встречается.

Мероит. PILQƏ соответствует егип. *pilq*, копт. *pilaqəh*, греч. Φίλη — топоним 'Филе'; мероит. TƏWISTİ=егип. *təwašti* 'поклонение', 'проскинема'.

4. Гласный *u*. По В. Выцихлу, Э соответствует *o* или *u*, а не *ə*, и он обычно транслитерирует его O [60, с. 74]. Мы предпочли чтение *u* и транслитерируем U. Это объясняется тем, что языки, имеющие в своей системе *a* и *i*, фонологически должны

¹⁷ Титул матери царя [5, с. 391].

противопоставить ряд *a—i* полярной фонеме *u*, а не *o*, появляющейся вместе с *e* в дополнительном ряду:



Кроме того, частые группировки — *əwi*, вероятно, имеют под собой фонетическую ассимиляцию — *uwi*.

Греч. Ρώμη 'Рим'=;RUMƏ, в этом случае оно звучит 'arumə'¹⁸, амарнская клинопись *uputi* =;PUTə 'посол', егип. *wpt*. Мероит. QUR 'царь' имеет египетскую транскрипцию в стеле из Таниса *kəw(;)r*; в языке фура в Донголе султана называли *aba kuri*, где второй элемент, вероятно, мероитский [5, с. 170, примеч. 124].

В инициальной позиции гласный *u* не встречается. Копт. OYCIPE *usirə* 'Осирис' передано через 'a—'ašur.

5. При такой системе гласных трудно представить, что все они имели полноценный фонологический статус. Например, написание BRLB 'мужчины' показывает, что между указательным местоименным аффиксом *-l-* и показателем множественного числа *-b* должен быть беглый эвфонический гласный. Тогда можно предположить, что этот гласный не имел фонологического значения, релевантного в оппозициях. Его, следовательно, лучше всего отмечать как «неопределенный гласный» ə, не входящий ни в один из тембровых классов [13, с. 130—131].

Это тем более оправданно, что засвидетельствованы написания *pilq/əp/əb/əb/əb*, которые показывают колебания тембра гласного.

6. На основании сказанного выше можно постулировать в качестве рабочей гипотезы, что четыре изначальных гласных — A, E, I, Ê (по Гриффису), т. е. *a*, *ə* (наша поправка E=ə), *i*, *u* (наша поправка Ê=*u*), представляют собой следующую двухступенчатую треугольную систему:

	Передние	Центральные	Задние
Высокие	<i>i</i>		<i>u</i>
Средние		<i>ə</i>	
Низкие		<i>a</i>	

§ 6. СОНАНТЫ

1. Два знака 5 и 6 были негласными и несогласными: *u*, *w*. Они составляют восходящие и нисходящие дифтонги с гласными: *təwisti*, *amniturey*, *yəwəwakə*, *šurəyi*. Для *u* это

¹⁸ Арабские и европейские слова, которые в нубийском начинаются на *r*, получают в мероитском протетический гласный.

даже подчеркнуто наличием особых лигатур; см. § 3.2. Имеют место переходы $y > \omega$, $\omega > y$; см., например, написания суффикса Тэ-ЛІ — Тэ-Лу.

2. Характер сонантов r и l не определен, несмотря на их несколько обособленное положение.

Так, знак 12 r не начинается слов. Известны языки, как, например, тюркские, где ни звук r , ни звук l в начальной позиции не встречаются, по крайней мере в исконно тюркских словах.

В древнегреческом языке инициальное «ро» принимает знак густого придыхания (что передается знаком ρ , как над гласными [12, § 12]). В амхарском протетический гласный ε предваряет слова, начинающиеся с двух согласных знаков подряд (εras голова) [1, с. 907].

§ 7. МОРФОНЕМИКА

1. Ассимиляции наблюдаются, во-первых, в отношении с опорных и зубных согласных. Так:

$r+l > rr$;
 $n^y+l > ll$;
 $r+n^y > n^y(n^y)$.

Примеры:

(1) *mak*-(2)*lah*-(3)*qə*-(4)*tur*-(5)*ri* (где $ri < *li$) букв. '(1)бог (2)великий (3)досточтим-(4)ейший (5)о' (т. е. 'О великий, досточтимейший бог!'); (1)*šur*-(2)*i*-(3)*wə*-(4)*tur*-(5)*ri* (где $ri < *li$) букв. '(1)Осирис, (2)о (3)свят-(4)ейший (5)о'; (1)*wuš*-(2)*wə*-(3)*tu(n^y)*-(4)*n^y**uin^y* [*tu(n^y)-n^y**in^y* $< *tur-n^y$ *uin^y*]- (5)*qə*-(6)*li* '(1)Исида (2)свят-(3)ейшая (4)милая (5)досточтимая (6)о!'; (1)*šlə*-(2)*qə*-(3)*l*-(4)*l* (где $l < *šlə-qə-n^y-l$) '(1) (2)благородный (3)милый (4)этот (титул «шлекень», жреческий и гражданский)';

2. Кроме того, засвидетельствованы следующие ассимиляции гласных:

$*qə+wi > quwi$;
 $-tu+wi < *-te+wi$.

Пример: PУTЭKЭZЭ < **aputə-kad*i — дистактная ассимиляция.

3. Обнаружены аккомодации сонорных и зубных $s+l > tt$.

Примеры: WUMŃTH < **wumanittah* < (1)*wu*-(2)*man*^y*i*-(3)*s*-(4)*lah* '(1)священник (2)Амона (3)его (4)великий' (т. е. 'великий жрец Амона'); PУTЭЛH : RUMЭLITUWЭ < *(1)*aputə*-(2)*lah* (3)*arumə*-(4)*lit*-(5)*tu*-(6)*wə* < **arumə-li-s-lu-wə* '(1)посол (2)великий (3)Рима (4—5) этот его (6) (рим)-ский' (т. е. 'великий римский посол').

4. Наличие эпентезы может быть выявлено из перехода ŠUR-İ > ŠURЭ-Y-İ..

5. Диалектизмы. В написании отдельных слов засвидетельствованы варианты, которые поддаются объяснению с позиции признания диалектизмов:

$'a$ = диал. y : *'atu* — *yətu*¹⁹ 'вода';
 zt = диал. zz : *mħizt* — *mħizz* (и. с. муж.);
 m = диал. \emptyset : *mħə* — *ħə*.

Возможно, явлением того же порядка объясняются случаи чередований $b \cong p$, а также употребление глагольных префиксов $'a-$, $y-$, $t-$; см. § 24.6.

6. Слог чаще всего бывает, видимо, открытым — CV; например, есть надписи, где чередование девяти открытых слогов, оканчивающихся двусложной рифмой, возможно, представляет собой стихи:

'ar-b(ə)-r(i)-yə-tə-d^y(ə)-ħə-lu-wi
'a-pu-tə-yə-yə-ri-kə-lu-wi
'a-tu-m(ə)-ħə-p(ə)-š-i-ħə-kə-tə
'at-mə-ħə-p(ə)-š-i-ħə-r(ə)-kə-tə
š(ə)-š-i-mə-tə-mrə-qul-š(ə)-tə-lu
š(ə)-lə-qə-lə-d^y(ə)-...-...-mə-lu

Открытый слог типа CCV встречается редко и непременно содержит r или l : *šlə-qən^y*, *mrə-qul*.

Закрытый слог CVC попадает также не часто, и нельзя быть уверенным, что он не распадается на два: CV—CV.

7. Ударение и интонация. Мертвый язык нелегко заставить вновь заговорить. Жесты и мимика сопровождают часто речевой поток и, если они не были зарисованы в иероглифах, пропадают навсегда. Мы полагаем, что замена транскрипционного знака \acute{e} для знака 2 на ε позволит избавиться от ложного представления об ударности или долготе соответствующего гласного.

В так называемых нилотских языках и в нубийском тону играют значительную роль. Можно поэтому ожидать, что в мероитском языке были тону, но уверенности в этом никакой нет.

В отдельных словах, имеющих параллельные коптские или греческие транскрипции, можно пробовать восстановить ударение.

Мероитский топоним PHRS, например, не огласован, зато коптская транскрипция ПΑΧΩΡΑΣ содержит омегу, что позволяет восстановить мероитское **pahúras* (араб. *faras*).

Фразы, подобные *'aputə-lah-arumə-lit-tu-wə* (см. § 7.3), имеют египетские демотические транскрипции: *wprwiy'o n hrwme*, что позволяет восстановить мероитское *'arumə*.

¹⁹ Или *'attu/yettu?*

ЛЕКСИКА

§ 8. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Инвентарь мероитской лексики невелик и малоразнообразен. До нас дошли только две действительно крупные надписи исторического содержания, а остальная масса их представлена стереотипными и довольно краткими эпитафиями, содержащими помимо готовых формул имена покойных, их родителей и связанных с ними лиц. Картина примерно такая же, как для этрусского: надписей много, а словотипов или лексем недостаточно.

Чаще всего встречаются имена собственные людей и некоторые имена богов. Но вторые часто входят в состав первых, и мы получаем тогда возможность понять одни с помощью других.

Много божественных, жреческих и гражданских титулов. Это — самая темная часть лексики, ибо мы совсем не знаем деталей религиозных и социальных отношений в этом совершенно особом районе Африки и в такой древний период.

Топонимы оказались очень важным моментом в установлении параллельных чтений и помогли Гриффису определить основное звучание алфавитных знаков.

Из дешифрованных слов религиозного содержания — до 20, к семейным отношениям и возрастно-половым группам относится до 15 слов и столько же — к социально-профессиональным наименованиям; к природе, календарю, названиям частей света — до 20 слов, к человеку и частям человеческого тела — 10, пище и питью — 5, животным — 1, письму — 5.

Помимо этого сейчас определено несколько глаголов, выявлены аффиксы прилагательных и другие морфемы, как, например, указательные местоименные суффиксы и различные частицы.

2. На данном этапе дешифровки мероитского языка большой интерес и значение имеют заимствования и аналогии, позволяющие с помощью других языков определить отдельные мероитские лексемы.

В первую очередь это египетские и коптские заимствования, через посредство которых в мероитский язык попало и несколько греческих слов.

Во вторую очередь это аналогии с нубийским, представленным в настоящее время несколькими диалектами, распространенными 1) вдоль Нила (донгола, махас, кунузи, фадиджа), 2) среди степных нуба в Кордофане и 3) горных нуба в гористых районах Дар-Нуба. В древности нубийский язык имел письменность на основе греко-коптского алфавита, которым пользовалось обращенное в христианство население берегов Нила. Этот язык мы будем называть старонубийским.

В третью очередь это аналогии с языками восточносуданской группы: барэа, дагу, дидинга, динка, масаи, мерарит, таби (всего семь ветвей).

Наконец, некоторые аналогии с языками Африки других групп, и прежде всего с так называемыми нилотскими (нуэр, луо, бурун, бари, каромоджо, тесо, сук, нанди, татога) и большой группой банту.

Нельзя не привести и некоторые сопоставления, хотя бы только в «ностратическом» плане, с семитохамитскими языками, из которых, например, ливийский мог быть пограничным с мероитским языком.

Важную роль в дешифровке мероитской лексики играют и мероитские слова, дошедшие до нас в египетской, коптской или греческой передаче.

§ 9. ЗАИМСТВОВАНИЯ

1. Египетские заимствования представлены рядом имен богов и людей, а также титулов; кроме того, есть несколько обиходных слов и топонимов:

Боги

- 1) ;MNI 'amani 'Амон' <imn;
- 2) ;MNP 'amanap 'Аменофис' <imn-htp;
- 3) ;RĒTĒT 'arantatā 'Арендот, Арентиотф' <hr-nt-yt-f;
- 4) ;ŠUR 'ašurā 'Осирис' <wš-ir;
- 5) MT mut 'Мут' <mwt;
- 6) HŠ hunāš 'Хонс' <hnsw;
- 7) HR/R 'ar 'Гор' <hr.

Люди

- 8) ;T/;NT 'ant 'священник, жрец' <hm-ntr;
- 9) ;PUTĒ 'aputā 'посол, посланник' <wpt, wptwtj;
- 10) PLMĒD ŠUMĒd 'стратег, военачальник' <ptm-r.ms'.

Титулы

- 11) PRITĒd 'агент' <p.r.t.

Обиходные слова

- 12) ;T 'at 'хлеб, пища' <t(ht, t);
- 13) ŠUR šurā 'письмо, книга' <š't, дем. *š'o'.

- 14) HRĚ *harə* 'север', 'вниз по реке' <*hry* 'вниз', 'низ';
 15) ;TəPU 'atəpu 'жертвоприношение' <*htpw*.

Топонимы

- 16) NPT *napatə* 'Напата' <*npt*, *npt*;
 17) PILQĚ *pilaqə* 'Филе' *p-i-lq*.

2. Коптские заимствования иногда параллельны египетским:

- 1) ;ŠUR 'ašurə 'Осирис' <*usire*;
- 2) WUŠ *wuš/wuši* 'Исида' <*ḡse*;
- 3) ;T/;NT 'ant 'жрец, священник' <*hont*;
- 4) PLĚMUŠ *pələmuš* 'стратег, военачальник' <*p-lemḡḡše*;
- 5) TĚWISTI *təwisti* 'поклонение' <*t-wšte*;
- 6) NPT *napatə* 'Напата' <*napata*;
- 7) PILQĚ *pilaqə* 'Филе' <*pilaqəh*;
- 8) PHUMĚ *paḡum* 'Пахом' <*paḡom* (и. с. муж.).

3. Греческие заимствования опосредствованы через египтокоптскую лексику; их немного, например: ;RUMĚ 'arumə 'Рим' <Ρώμη, возможно, WĚREZIKĚ *were(n)diḡəy* <Βερενίκη, 'Береника' (в честь одной из египетских цариц, носивших это имя).

§ Ю. АНАЛОГИИ

1. Аналогии с нубийским были впервые отмечены Ф. Л. Гриффисом [27, с. 123]. К этому вопросу вернулись Э. Цильарц, В. Выщихл, Б. Г. Триггер. Эта группа слов в основном относится к природе (небесные светила, вода) и культуре (календарь, книга):

1) MŠ *maš* 'Маш' бог солнца//ст.нуб. *mašal*, совр. нуб. диалекты: *maza*, *maša*, *masil* 'солнце' [25, с. 83];

2) WYĚKI 'звезда', м. б. 'Сириус', встречается в имени собственном *waḡkiyə*, относящемся к пророку Сотиса, связано с астральными культами (в демотике *wygy*, *wyngy*)//ст.нуб. *wiḡgi*; махас *winži*; донгола *wissi*;

3) QBN *qaban* 'звезда' //донгола *gumenki* 'звезды';

4) ZMI *zəmi* 'год'//ст.нуб. *ḡem*; новонуб. *gem*.

5) ;Tu 'atu 'вода'//ст.нуб. *asi*; новонуб. *essi*; донгола *ess*; кордофанск.-нуб. *otu*, *ote*, *otto*;

6) ŠUR *šurə* 'книга, письмо'//ст.нуб. *šo*; махас *šor*; оба из егип. дем. *š* 'книги' (**šo*'), егип. *š.t* 'письмо, депеша';

7) TĚNKĚ *tənəkə* 'запад'//донгола, кунузи *tingor*; махас *tinne*;

8) TRUT — имя божества//донгола, кунузи *tirti* 'господин, хозяин';

9) KZI *kadʷi* 'женщина'//*k* — префикс перед именами, обозначающими женщин; махас, фадиджа *kissi* 'vulva'.

Наряду с этим был выявлен ряд общих морфем в мероитском и нубийском:

10) P- — глагольный префикс//*bi* — префикс в кунузи, *fa* в махас;

11) -ZIK — послелог// *-do* — послелог 'к', 'из', 'от';

12) -L — указательный местоименный аффикс// *-l* — артикль в старонубийском.

13) ;RITĚN *aritan* 'Аритень', возможно, нуб. *arti* 'бог' [26, с. 28] с суффиксом *-ny*: '(бог) Аритэ милый'; см. § 226.8.

2. Аналогии с восточносуданскими языками недавно отмечены Триггером, который склоняется к тому, чтобы считать мероитский язык одним из них [56]:

1) -ZIK — послелог//барэа *-dege* 'из';

2) KZI *kadʷi* 'женщина'//барэа *kantus*, *kattu* 'vulva', 'женское'; масаи *g-*, дагу *k* — префиксы перед именами, обозначающими женщин, например дагу: *arei* 'тесть, свекор', *k-arei* 'теща, свекровь'.

3. Аналогии с нилотскими языками и банту:

1) слово KZI *kadʷi* 'женщина' имеет аналогий: в нилотском языке бари — префикс перед именами женщин *ki-*; в суахили — *-ke* 'женский', *mkə* 'женщина'; суффикс *-kazi* в зулу обозначает лиц женского пола; см. § 17.3;

2) MK *tak* 'бог'//суахили *tungu*;

3) образование названий стран света одних из других, например: YĚREKĚ 'юг' > YĚREWAKĚ 'восток'//суахили *kusini* 'юг' > *kaskazini* 'север'.

4. Аналогии с семитохамитскими языками:

1) ;PUTĚ 'посол'//амарнская клинопись *uputi* 'посол';

2) ;RUMĚ 'arumə 'Рим'// араб. *rūm* 'Рим, Византия';

3) VZEWI *wədʷwi* 'Мероэ'//араб. *marawī*;

4) ŠUR *šur(ə)* 'письмо, книга'// *sūra(t)* сир. 'надпись', араб. 'глава Корана';

5) KZI *kadʷi* 'женщина'//араб. диалект Египта и Судана — *quss* 'vulva';

6) QĚŠ *qəš/quš* 'Куш'//евр. *kūš*;

7) MS *maš* 'Маш' (бог солнца)//сем. *samas*, *šamaš* 'солнце'; сем.хам., лив. *məss* 'господин' (в имени царя Масинисы);

8) MT *mut* 'Мут' (богиня)//сем.хам. *mwt* 'смерть';

9) P- — глагольный префикс//араб. диалект Египта и Судана *b-*, *bi-*.

5. Египетские транскрипции мероитских слов:

1. *qrny* = QURĚN 'царственная' (титул Исиды);

2. *krre* = KRUR 'принц', 'наместник';

3. *qrny-krre* = QURĚN-KRUR 'царский наследник', 'принц';

4. *rbtgyel* = RBĚTKĚ — титул;

5. *twylkt* = TuLKT 'Тилкет' (топоним).
 6. Греческие транскрипции мероитских слов:
 'Αμενώθης =;MNP;
 'Ρρηαμένης =;RQMN;
 Κανδάχα =KTKΞ;
 Μερόη =BZΞWI;
 Ναπάτα =NPTΞ;
 'Οσίρις =;ŠUR;
 Φίλη =PILQΞ;
 Ψεντης =PŠTu.

МОРФОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

§ 11. КОРЕНЬ И ОСНОВА

1. Нестабильность начального ;, с одной стороны, и конечного V — с другой, естественно, маркирует границы основ. В таких словах, как ;BR 'человек', ;NT 'священник', ;MNP 'Аменофис', ;PΞZΞMK 'Апедемак', и других словах с начальным ; следует выделить основы (на основании § 5.2), абстрагируясь от того, содержат они в своей структуре гласные или нет, следующим образом: -BR-, -NT-, -MNP-, -PΞZΞMK-.

В таких словах, как ;T 'хлеб, пища', ;Tu 'вода', KZI 'женщина', KTKΞ 'кандака', ;PUTΞ 'посланник', QURΞ 'царь', TeWISTI 'поклонение', и других словах с конечным V следует выделить основы (на основании § 5.1) так: -T-, -T-, -KZ-, -KTK-, -PUT-, -QUR-, -TΞWIST-.

Обозначив в обоих рядах примеров согласные — C, гласные — V, получим следующие модели основ: -C-, -CC-, -CCC-, -CVC-, -CVCVCC-.

В таких словах, где нет гласных начал и концовок, например: ŠŠ 'ребенок', WUŠ 'Исида', QURΞN 'царственная' (титул Исиды), PΞLΞMUŠ 'военачальник', основы будут обозначены -CC-, CVC-, -CVCVC-, -CVCVCVC-.

2. Но где же здесь корни? Начав с одногласных основ, мы сразу же столкнемся с оппозицией ('a)t : ('a)tu 'хлеб' : 'вода'. Из нее можно вывести заключение, что если корень для первого слова совпадает с основой $\sqrt{t} = -T-$, то корень для второго слова не может быть одногласным, поскольку иначе не будет сохранено семантическое различие лексем. Здесь приходит на помощь письмо: -Tu представляет собой одну графему²⁰. Корень, следовательно, в данном случае не может быть

исключительно консонантным, а должен быть консонантно-вокалическим, т. е. \sqrt{tu} по модели CV, и, таким образом, мы как бы выходим за пределы консонантной основы, определенной так в связи с необходимостью отсекал конечный гласный.

В основах, имеющих нестабильный V, обычно ə, для выделения корня им можно пренебречь:

Основы	Корни
-PΞZΞMK-	<i>pzmk</i>
-TΞWIST-	<i>twist</i>
-PUT-	<i>put</i>
-QURΞN-	<i>qurn^y</i>
-PΞLΞMUŠ-	<i>plmuš</i>

Обозначив корни соответственно C и V, получим модели: \sqrt{CCCC} , \sqrt{CCVCC} , \sqrt{CVC} , \sqrt{CVCC} , \sqrt{CCVC} ...

Корни, следовательно, в мероитском будут двух типов — консонантные: \sqrt{C} , \sqrt{CC} , \sqrt{CCC} , \sqrt{CCCC} и консонантно-вокалические: \sqrt{CV} , \sqrt{CVC} , \sqrt{CVCVC} , \sqrt{CVCC} , \sqrt{CVCVCC} .

3. Корни, содержащие более трех согласных, принадлежат к заимствованиям (*twist*, *plmuš*) или расчленяются на составные слова — *pz-mk* (см. § 14) или на производные основы с наращенными суффиксами *qur-n^y*, т. е. являются, по сути, ложными корнями.

§ 12. ПОВТОРЫ ЧАСТЕЙ КОРНЯ

1. Некоторые корни построены как повтор своей же половины или части по моделям: C_1C_2 , где $C_1=C_2$; $C_1C_2C_3$, где $C_1=C_2$; $C_1C_2C_3C_4$, где $C_1C_2=C_3C_4$.

Примеры: ŠŠ 'ребенок'; MM — и.с. с разными постфиксами; PUPU — и.с. жен. с постфиксом; -LULΞ-, -LILI-, -LULU-, -RΞRΞ-, -KΞKΞ- — в титулах и именах; MŠMŠ — и.с. муж. с постфиксами.

2. Повтор в речи мужчин выражает конкретное множество; в речи женщин, выражая дробность, он часто является признаком конкретного уменьшительного и ласкового обращения²¹. Поэтому мы его часто встречаем в именах собственных.

Примеры: LULΞWITR *lulə-wi-tur* 'Лулевитур' ('милый святейший'), и.с. муж.; PPL *papa-l* (повтор+указ. местоим. суфф.)

²¹ Ср. магрибские и ностратическо-средиземноморские примеры в диалектах [3, с. 99]; другие примеры для африканского ареала: «ребенок» — егип. *nn*, суахили *m-toto*, мальг. *zaza*; «цыпленок» — амх. *šačut*; «быть худым и маленьким» — амх. *šačča*; «дрожать» — нуб. (донгола) *kerker*; «робкий, застенчивый» — нуб. (донгола) *kaukau*.

²⁰ Не в этих ли целях, т. е. дифференциации лексем, был введен в мероитский алфавит знак, передающий два звука? См. § 3.3.

'Папал', и.с. муж.; ММУЕ *tami-ya* (повтор+именной суф.) 'Мамийе', и.с.; РУРУЕ *piri-ya* 'Пупуйе', и.с. жен.; РЕРЕ-ТЭЛИ *'arəratəli* 'Ареретели', и.с.; ММВИКЗЭ *tama-wi-kad'ə* 'Мамавикадье', и.с. жен.; МШМШЛИ *mašmaš-lah-li* [повтор (выражает ласковость)+прилагат. суф. 'большой'+суф.] 'Маш-машлали'.

Несколько титулов также содержат повторы как средство выражения ласковости: ВЛУЛУКЭ, СМЭКЭКЭ.

3. По семантике близки к этому повторы суффиксов (см. § 22б.8), повторы предложений (см. § 16.9).

§ 13. АФФИКСЫ

1. К корням и основам присоединяются многочисленные аффиксы, т. е. префиксы и постфиксы, или суффиксы; инфиксы встречаются реже.

Следует, видимо, различать приименные и приглагольные аффиксы.

Среди приименных аффиксов надо отличать аффиксы, употребляемые только с именами собственными. Таков префикс YU-; суффиксы -YЭ, -KZI-YЭ; -I, -YI, -LI; суффиксы -Тэ, -ТЭЛ, -ТЭЛУ/-ТЭЛИ, ТЭЛУ-WI особо употребительны с топонимами.

С именами нарицательными сочетаются суффиксы -L, -ЛЭВ, -L-Тэ, -S, -S-L, -S-L-W, -Тэ, -IS, -КЭ-S, -КЭ-LU-WI.

После имен нарицательных ставится прилагательный аффикс, за которым могут следовать следующие постфиксы: WI, -LU, -LU-WI, -TU-WI, -L-I-S-LU, -TR/-TUR.

Приглагольные аффиксы намного сложнее выявить. Известны префиксы, группирующиеся по «семьям»: Y-, P- с вариантами, инфиксы -Š-, -Tu-, -W- (см. § 24.6) и постфиксы двух видов: одни — специально глагольные: -Tu, -TZ, -H, -BH, другие — общие с именами: КЭ, НЭ.

Префиксы YI-, ЭQЭ- употребительны с именами и глаголами. (Эти имена могут иметь глагольную форму.)

2. Аффиксы в агглютинативных языках всегда однозначны, т. е. выражают только одно грамматическое значение и не имеют алломорфов.

Из всей совокупности аффиксов постараемся выделить простейшие морфемы и установить их значение.

Сонанты Y и W, видимо, играют только эвфоническую роль: -YI, -YU, -YЭ представляют собой на деле морфемы -I, -U, -Э. Другие простейшие морфемы суть согласные: L, S, T, B, H, K, N.

Значения их следующие:

L — определенность; S — принадлежность; T — локативность; B — множественность; H — направленность; K — отделитель-

ность; N — ласковость. Кроме того, I обозначает вокатив, WI — отношение, соотносительность.

Все аффиксы сочетаются друг с другом. Сочетаемость аффиксов показана в табл. IX.

§ 14. СЛОЖЕНИЯ СЛОВ

1. В противоположность семитским языкам, где словообразование путем сложения слов встречается редко, в мероитском часты составные слова. Это касается преимущественно имен собственных и титулов [4а]. Все слова из четырех-пяти согласных и более могут быть расчленены, например: РЭЗМК 'Апедмак' (львиное божество) делится на два компонента: 'арэ-дэ+мак'+бог'²².

2. Царские теофорные имена начинаются или оканчиваются составным словом 'amani 'Амон': Амани-каташан, Амани-гаракиде, Амани-тенмеиде, Амани-халика; Акрак-амани, Йесбехе-амани, Лахиде-амани, Тамелерде-амани, Текериде-амани²³.

3. Слово МК 'бог' как составной элемент встречается одинаково часто в мужских и в женских именах. Примеры:

МКСТМЭ 'Макастаме' (и.с. муж.)—*(1)mk-(2)s-(3)tamə '(1)богу (2)принадлежащий (3)таме(?)', т. е. 'богов таме', 'божеский таме'.

МКШУРМЛУЛИ 'Макашурамлули' (и.с. муж.)—*(1)mk-(2)šur-(3)m-lu-(4)li '(1)богу (2)Осирису (3)хорошему (4)этот (человек) принадлежащий';

WUŠMKS 'Вушмакас' (и.с. жен.)—*(1)wus-(2)mk-(3)s '(1)Исиды (2)богини (3)ее (эта женщина)', т. е. ей она посвящена;

HRLUMKS 'Харлумакас' (и.с. жен.)—*(1)hr-(2)m-lu-(3)mk-(4)s '(1)Гора (2)хорошего (3)бога (4)его (эта женщина)';

WUŠSL 'Вушсал' (и.с. муж.)—*(1)wus-(2)s-(3)l '(1)Исида (2)ее (3)этот (человек)';

4. Составные титулы:

МЕТЭЛHС гражданский титул «метелехес» —*(1)mətə-(2)lah-(3)s '(1)Метэ (2)великий (3)его', т. е. Великому Метэ принадлежащий;

YÉTMZÉQSE гражданский титул —*(1)yet-md'ə-(2)eb-(3) '(1)родственник (2)досточтимый (3)его';

WUMNITH жреческий титул —*(1)wu-(2)mani-(3)t[<s+l-] (4)(l)h>taħ '(4)Великий (1)жрец (2)Амону (3)этому (4)принадлежащий'.

5. В ряде мужских имен фигурирует в качестве составного

²² Возможно, первый компонент — топоним РЭЗМЭ, но тогда РЭЗМЭ(К) с гаплогонией одного ЭМ: арэд'э(мэ)мак; ср. § 1.7.

²³ Список дается по книге И. С. Канзельсона [5, с. 233].

конечного элемента слово -WITR, WTR или -WETuR, например: PIZEWTR, MHWITR, ŠIBWITR, NTWTR, NTWITR, LULWITR.

Следует заметить, что с указательным местоименным аффиксом оно принимает окончание -ur, например: *maqušala-wat-ur*, *ħa-witr-ur*, где $r < l$ указательного местоименного аффикса.

Это же слово входит в инвокационные формулы (см. § 26.в), где после имен богов оно может означать нечто вроде «владыка». Вместе с другой составной частью имен оно должно означать что-либо вроде арабских *dū* 'обладающий', *ṣāhib* 'владеющий', 'хозяин', *abū* 'отец' и т. п. Так, *mħa-witr* можно перевести 'владыка обилия'²⁴.

§ 15. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

В мероитском языке для уточнения биологического пола употребляются иногда служебные слова -KZI 'женщина' в оппозиции к нулевой форме того же слова или -BR 'человек', 'мужчина', подобно английским *he-goat: she-goat* 'козел': 'коза'. Но это так называемые пустые слова без специального морфологического значения [11, с. 302].

Примеры: MKZI 'богиня' <**mak-kadʷi* букв. 'бог — женщина'; PUTKZZ <**aput-ekadʷi* 'посланник — женщина', т. е. 'посланница'.

Служебное слово в сочетании с именами собственными позволяет уточнить биологический род носителя имени, например: TMEYU *tamey-u*, 'Темейе' (и.с. муж.); TMYKZIU *tamey-kzi-u*, 'Темей-кзи-йе' (и.с.жен.).

Можно было бы привести длиннейший список женских имен собственных, которые все содержат элемент *kdʷi-kdʷ* в своем составе, но мы ограничимся несколькими примерами: MMWIKZIU *mama-wi-kadʷ*; eLLIKZIU *eli-kadʷi*; KZIU *kadʷi-tuni*.

Отметим, что элемент -KZI подвержен фонетическим изменениям по линиям согласных (>HZI) и гласных (<KZI/KZU).

Мужские имена собственные иногда содержат в своем составе слово 'человек', 'мужчина'²⁵, например: MUTBR 'Мутабар' (и.с.муж.) — (1)*mut*-(2)*bar* '(2) Человек (богини) (1) Мут'; также BRHT, BRTRY, BRTuY.

Слово BR может принимать форму ;BR; см. § 5.2.

²⁴ Ср. имя собственное мужское *bā-kaṭīr* в арабском египетском диалекте.

²⁵ Ср. араб. 'imr ul-qays 'человек Кайса'.

§ 16. ПОРЯДОК СЛОВ И АФФИКСОВ

1. Под словом в данном случае понимается слово фонетическое, т. е. слово со всеми энклитиками и префиксами и со всеми проклитиками и суффиксами. Такого рода слова обычно отделены в тексте разделительным знаком; см. § 3.5.

2. Имена собственные богинь и женщин ставятся перед именами богов и мужчин, в чем можно усматривать пережиток матриархальной системы.

Многие надписи, например, начинаются с инвокации богам: WUŠI:ŠURŪYI 'Исида! Осирис!'

Надгробная надпись «Q.T. 3.37» [40, с. 1070]: «...Досточтимую Пийе, [от матери] Арбрийе рожденную, [от отца] Апутейе зачатую...»²⁶.

3а. Порядок расположения аффиксов с именами собственными следующий:

Префиксы	
YI-	(см. § 216.4);
YU-	(см. § 216.4; § 266.2).
Постфиксы ²⁷	
-Y+	(см. § 216.5);
-KZI-Y#	(см. § 15);
-I#	(см. § 26в.4);
-YI#	(см. § 26в.4);
-L->I-#	(см. § 26в.6—8);
-Tε+	(см. § 26а.3—6);
-Tε+L>-TεL+	(см. § 26а.4);
-TεLU/-TεLI+	(см. § 26а.5);
-TεLU-WI#	(см. § 26а.4);
-NL(W)+	(см. § 26а.2);
-Kε-LU-WI#	(см. § 26а—б. 2—3).

3б. Порядок расположения постфиксов с именами нарицательными следующий:

-N+	(см. § 226.8);
-----	----------------

²⁶ Здесь мы не будем развивать интересный вопрос семантического порядка слов, но укажем, например, на то, что порядок перечисления загробной пищи строится по схеме «(1) питье — (2) еда», тогда как у северных народов этот порядок перевернут, как, например, в «Малой Эдде» (Л., 1970, с. 18). Надо полагать, таким образом, что в семантическом подтексте населения засушливых стран Африки на первом месте стоит забота о воде.

²⁷ Знак + указывает, что к данному суффиксу можно еще присоединить суффиксы; знак # указывает, что данный суффикс последний в цепи и к нему больше нельзя присоединить суффиксы.

-NYŃ+	(см. § 226.8);
-L+	(см. § 18.1; § 25.2);
-L+B>LЭВ	(см. § 18.5; § 25.4);
-L-Тэ	(см. § 25а. 9);
-S+	(см. § 25.2);
-S+L	(см. § 25а.7);
-S+L+W	(см. § 25а.9);
-КЭ/НЭ+	(см. § 26а.б.1);
КЭ+S	(см. § 25г).
-КЭ-LU-WI#	

4. С глаголом (Г) употребительны префиксы и постфиксы: префиксы перечислены в табл. X и в § 24.6, постфиксы — в § 24.8.

5. Качественное прилагательное (П) следует за существительным (С), которое оно определяет по формуле С—П, например: 'at-mhə 'пища обильная'; 'aputu-lah 'посланник великий'²⁸; qurə-n^y-lah 'царица милая, великая'.

Ниже показаны основные постфиксы с именами нарицательными (ИН), за которыми следуют прилагательные аффиксы (ПА):

ИН-ПА-İ>-WI#;
ИН-ПА-L>-LU+;
ИН-ПА-L>-LU+Wİ#;
ИН-ПА-S>-TU+Wİ#;
ИН-ПА-L-İ-S-LU+;
ИН-ПА-TR/-TuR+.

6. Во фразах, поддающихся разбору, подлежащее (П) стоит перед дополнением (Д) и глагольным сказуемым (С) по схеме П—Д—С: (П) 'abr-s-l(D) əkəd^y (С) 'некто мужчину-его-этого убил'; (П)... ...kd^yi-s-l(D)ərk (С) '[некто] женщину-его-этого пленил'.

7. С наречными частицами встречается префикс YU-, аналогичный приименному суффиксу.

8. В табл. IX даны сочетания всех основных аффиксов между собой.

9. Двукратный или трехкратный повтор более чем одного слова, т. е. предложения, рассматривается как эмпатизация (усиление) смысла этого предложения, например трехкратное повторение следующей фразы: ŠUNI: MNIPSLU: ŠUNI: MNIPSLU: ŠUNI: MNIPSLU (25, с. 123) 'шуни (титул) Аманapa' значит 'он действительно есть шуни Аманapa'.

Таким образом, мероитский язык, в котором, вероятно, не было наречий, образует, во всяком случае, наречный оборот;

²⁸ Ср. *umuntu om-khulu* 'человек великий' в языке зулу (тоже структура С—П) [9, с. 22].

который обычно состоит из повтора двух кратких элементов или частей слова.

10. Цифры всегда следуют за словом, к которому они относятся; наличие цифр избавляет от необходимости употребить показатель множественного числа [31, с. 147].

11. Союзов в мероитском пока не обнаружено. Две фразы, которые, по нашему понятию, должен был бы соединять союз, следуют одна за другой без какой-либо частицы между ними. Но, возможно, их соединяют общий, т. е. относящийся к ним обоим, послелог *-ne-lu* 'перед' и общая наречная частица *-bər* 'здесь'; оба оформлены одним и тем же суффиксом нисбы *-wi*. Однако суффикс этот, видимо, может претерпевать апокопу *-i*, и тогда в полной форме он ставится в конце всего предложения: *...nə-lu-wi>nə-lu-w, например: WUŠ:PILQEQTƏLI: WUŠ:TəBWƏTƏLI: NLW:BƏRWI (1) *wuš* (2) *piləqə-tə-li* (3) *wuš* (4) *təwə-tə-li* (5) *nə-lu-w* (6) *bər-wi* '(5)перед (1)Исидой (2)Филейской (3)[и]Исидой (4) Абатонской (6) здесь находится' или '(5) Перед (1) Исидой, (2) которая в Филе, (3) [и] Исидой, которая в Абатоне, (6) здесь есть (имеется)'.

12. Употребление суффиксов *-li* и *-wi* в конце предложения (§ 16.3) имеет параллель в примере § 226.3: *qu: piyuə-qi-wi* <...**qu-wi: piyuə-qi-wi*. Разделительное двоеточие здесь, вероятно, для того и употреблено, чтобы показать пропуск одного суффикса.

Мероитский язык проявляет в этом особую тенденцию к экономии средств выражения, которая прямо противоположна тенденции к избыточности при употреблении классовых оформителей африканских языков типа банту.

13. Распространено, видимо, довольно широко безглагольное предложение: ;MNILH: ;RITEN: TULKŦTəTə (1)'amni-(2)lah (3)'aritan^y (4)tulkətə- (5)tə '(1)Амон (2)великий (3)аритень (т. е. милый бог) (5)есть в (4)Тилкете' (Тилкет, совр. Нага (Naqa); см. § 10.5.

Порядок слов в таком предложении следующий: (1) подлежащее — (2)определение — (3)прямое дополнение — (4)косвенное дополнение — (5)послелог.

МОРФОЛОГИЯ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

§ 17. КАТЕГОРИЯ РОДА

1. Показателей рода в мероитском языке не найдено²⁹. Категория грамматического рода, стало быть, отсутствует. Ее в самом деле не удастся обнаружить ни в именах, ни в глаголе, ни в местоимениях.

²⁹ Их несколько раз «открывали», но все это оказалось тщетным; на этом основании Э. Цильарц и другие ученые причисляли мероитский к кушитской ветви семитохамитских языков.

Это очень важный типологический фактор, ибо, например, в индоевропейских и семитохамитских языках род, как известно, играет определяющую роль. Вместе с другими признаками отсутствие рода позволяет утверждать, что мероитский язык не относится к семитохамитской языковой семье. Отсутствие рода, наоборот, свойственно многим чисто агглютинативным языкам, таким, как тюркские языки Азии, а в Африке — так называемые зинджские или африканские языки (группа банту), мальгашский и нубийский языки.

В мероитском языке слово *qurə* одинаково означает 'царь' и 'царица', ничем морфологически не выражая различия в роде [5, с. 344, примеч. 20].

2. Само собой разумеется, что в мероитской лексике есть разряд слов, супплетивно выражающих названия лиц или особей того или другого биологического пола.

Известно всего лишь несколько таких слов, но можно считать, что «потенциально» серия их значительно длиннее:

Мужской пол	Женский пол
;BR 'abr 'мужчина', 'муж'	KZI <i>kdʸi/kdʸə</i> 'женщина'
	SM <i>sam</i> 'супруга', 'жена', 'сожительница'
;P 'apa 'отец'	ŠTə <i>štə</i> 'мать'

3. Уточнение биологического пола в отношении семантически нейтральных к выражению рода слов (имен нарицательных и имен собственных) происходит с помощью слов KZI 'женщина' и BR 'мужчина', которые здесь употребляются в служебной функции; см. § 15.1.

Так же обычно образуется «род» в языках банту. Например, в лингала (1)*ndeko* (2)*mwasi* '(1)[брат]сестра — (2)женщина', где первое слово указывает на категорию братско-сестринских отношений, нейтральную в выражении рода, а второе — на пол и является своего рода детерминативом первого.

Чрезвычайно любопытно³⁰, что в языке зулу суффикс *-kazi*, совпадающий с мероитским фонетически, служит для обозначения лиц женского пола примерно в таких же условиях, например: (1)*inkosi* (2)*kazi* '(2)жена — (1)вождя', и для увеличительной формы имен существительных [9, с. 28 и примеч. 11]. Последняя, думается нам, конкретно связана с представлением о беременности, при которой увеличивается женское тело. Поэтому мы не удивимся, если будет открыто это же значение для служебного слова *kadʸi* в мероитском³¹.

³⁰ Этими словами авторы высказывают только свое удивление перед описанным далее фактом, не делая вывода о каком-либо родстве между обоими языками на этом основании, ни тем более о заимствовании.

³¹ Такого рода представления всегда полярно амбивалентны, т. е. могут одновременно служить для выражения миниатюрности и увеличения.

1. Африканские языки, как правило, категории числа не имеют. Множественность в этих языках выражается вспомогательными средствами, например показателем именного класса [9, с. 23—26], или выделяется — в случае необходимости — с помощью указательного местоимения [16, с. 59], обычно же, когда нет необходимости подчеркнуть множественность, она никаким морфологическим средством не выделяется [27а, с. 167].

2. Поэтому в мероитской фразе из надписей Акинидада и Танийдамани [31, с. 159; 5, с. 388] слова 'abr 'мужчина' и *kadʸi* 'женщина' воспринимаются как некое собирательное или множественное число: ;BRSL : ʔKʔZ : KZISLʔRK (1)'abr-(2)s-(3)l-(4)ʔkəʔʸ (5)*kadʸi*-(6)s-(7)l (8)ʔrk '(1)мужчину (2)его (3)этого (4)убил, (5)женщину (6)его (7)этого (8)пленил'.

Указательные местоименные аффиксы (2) и (6) относятся к слову предшествующего предложения — QʔŠ 'Куш' — городу, который взял или разрушил царь Танийдамани, и выражают принадлежность.

3. В надписи Акинидада за глаголами следует суффикс TZ, который должен, по сути дела, выражать местоимение прямого объекта «его» или «их». Поскольку множественное число здесь иначе не выражено, надо полагать, что этот суффикс выражает именно понятие «их» и является своего рода «возвращающимся местоимением».

4. Пытаясь определить, не выражается ли множественное число в мероитском языке каким-либо более конкретным способом, исследователи отметили наличие одинаковых суффиксов при именах, при глаголах и при местоимениях, а именно присоединение к основам окончаний -B или -Bʔ. Отсюда был сделан вывод — может быть, поспешный — о наличии категории числа в мероитском.

Но в словах, употребляемых с цифрами, показатель множественного числа опускается; ср. § 16.10.

Что же касается местоимений, то, поскольку они самостоятельной формы не имеют, в качестве таковых приходится рассматривать местоименные суффиксы. Здесь, следовательно, надо ожидать употребления указательных местоимений в форме суффиксов множественности. Поэтому числовые суффиксы помещены нами в класс местоимений (§ 25а.4).

5. Множественное число в имени. Суффикс -B прибавляется обычно к именным основам, определенным постпозитивным указательным местоименным аффиксом -L, который, видимо, образует с ним один слог: *-lab*. Примеры:

Ед. число	Мн. число
'abr 'мужчина'	br-lab 'мужчины эти'
kadʸi 'женщина'	kadʸi-lab 'женщины эти'
šš 'ребенок'	šš-lab 'дети эти'
yət-madʸə 'родственник'	yət-madʸə-lab 'родственники'

6. Множественное число в глаголе:

Ед. число	Мн. число
YIH	YIH-ƏB
PŠIH-TƏ	PŠIH-BH-TƏ
YIH-TƏ	YIH-BH-TƏ

См. § 24.2.

7. Попытка выделения двойственного числа в мероитском успехе не имела [34, с. 1—29; критику см. 45, с. 2—9].

§ 19. КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ

1. Многие индоевропейские и семитохамитские языки противопоставляют определенное имя неопределенному, и это противопоставление морфологически распространяется на имена существительные и имена прилагательные.

В мероитском языке, видимо, также есть грамматическая категория, позволяющая реализовать оппозицию «определенность — неопределенность имени».

2. Имя в неопределенном состоянии в принципе должно быть именем существительным нарицательным, ибо имена собственные определены по смыслу, и не должно сопровождаться указательным местоимением или артиклем. Так, например, *Wuš-i* 'Исида!', где *Wuš-* 'Исида', а суффикс — *i* '!', т. е. является указанием на вокатив или на междометийное положение данного слова. Параллельно: MKLHLI (1) *mak-* (2) *lah-* (3) *l-* (4) *i* '(1)бог — (2)великий — (3) этот — (4) о!'

Из этого уравнения выводится, что имя собственное не сопровождается указательным местоименным аффиксом, т. е. что оно считается имплицитно определенным, что имя нарицательное может сопровождаться указательным местоимением, т. е. противопоставляться по своей форме неопределенному имени, так как суффикс *-l-* относится к словам *mk* и *lh*.

§ 20. КАТЕГОРИИ СКЛОНЕНИЯ И СПРЯЖЕНИЯ. СОГЛАСОВАНИЕ

1. Как и в других агглютинативных языках Африки, падежного склонения в мероитском нет. Однако с помощью суффиксов можно выразить функции вокатива (§ 24в), генитива

(§ 25г.4), а также локативность (§ 26а), отделительность (§ 26б) и некоторые другие падежные функции; для этого используются объектные и субъектные местоимения (§ 25б—в).

2. В отношении спрягаемости глагола и обусловленных ею категорий лица, наклонения, времени, вида и залога мы пока не имеем данных.

3. Нами впервые обнаружено явление, в какой-то степени напоминающее согласование по классам, типа классных показателей в языках банту; однако здесь суффикс, характеризующий некоторый класс слов, находится в постпозитивной позиции и может в некоторых случаях опускаться. При повторах постфиксов, оформляющих части одной фразы, первый постфикс может опускаться, а второй приобретает как бы двойную силу, согласуясь с каждой частью данной фразы. Эллипсис суффикса, вероятно, послужил причиной того, что явление согласования отдельных частей фразы осталось скрытым от исследователей.

4. Согласование имени существительного с именем прилагательным происходит при помощи повтора суффикса *-wi*, однако при имени существительном этот суффикс опускается, но след согласования остается в переходе гласных *i* или *ə* в *u* перед *w*. Сначала казалось, что это явление ограничено фонетическим уровнем и является простой контактной ассимиляцией гласных, но сейчас мы полагаем, что оно затрагивает и морфологический уровень. Это ясно видно на таком примере: *šə-lu-məlu-wi* < *šə-li-[wi]-məlu-wi* 'мать эта к хорошим (матерям) относящаяся'.

5. Согласование послелога с наречной (?) нисбой происходит по той же модели: *nə-lu-w(i) bər-wi*; см. § 16. 11.

6. Если слова обращения вставлены в двучленную фразу, вокативный суффикс *-li* сохраняется только на конце ее и относится ко всем частям фразы, например: WUŠ : WƏTuNYINQƏ [LI] : ŠURƏ : WƏTUR-RI [25, с. 33, 76] (1) *wuš*. (2) *wə-tu(nʸ)* (3) *nʸinʸ* (4) *qə* (5) *[li]* (6) *šurə* (7) *wə-tur* (8) *ri* '(1)Исида (2)святейшая (3)милая (4)досточтимая (5)о!, (6)Осирис (7)святейший (8)о!'

Примечание: во фразе две ассимиляции: (2) *wətu(nʸ)* < **wəturnʸinʸ*; (8) *ri* < **li*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ИЛИ ЧАСТИ РЕЧИ

Трехчастное деление грамматических классов — на имя, глагол и частицу, — унаследованное арабскими грамматиками от греков, лучше всего бы выразило то, что мы имеем в этом отношении в мероитском языке.

Имя делится на три подкласса и включает имя существи-

тельное, имя прилагательное и имя числительное, о котором мы пока ничего не знаем.

Мало мы знаем и о глаголе. Если в других языках местоимение примыкает к имени, здесь оно играет несколько иную роль, и мы предпочли его выделить в особую группу.

Частицы — это неизменяемые агглютинирующиеся префиксы и суффиксы, имеющие разнообразное назначение. Среди них мы, во всяком случае, будем различать: (1) приименные, (2) приглагольные, (3) смешанные, т. е. соединяющиеся и с именами и с глаголами.

§ 21. ПОДКЛАСС ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В него входят (а) имена собственные богов и (б) имена собственные людей, (в) топонимы и (г) имена нарицательные.

а) Имена собственные богов

1. Это важный разряд слов, так как имена собственные богов служат основой для имен людей, так называемых теофорных имен, т. е. содержащих в себе кроме прочих элементов имя бога. Среди имен собственных богов можно выделить две группы имен: 1) имена заимствованные, 2) имена местные. Последние легче выявить на фоне заимствований.

2. К заимствованным именам собственным богов относятся все имена богов египетского пантеона, например: WUŠ 'Исида', ;ŠUR 'Осирис' и т. д., заимствованные из египетского (см. § 9.1) или коптского языков (см. § 9.2).

3. К именам местных божеств относятся имена местного нато-мероитского пантеона, например: MŠ *maš* 'Маш' (бог солнца); ;PZMK 'арэдүэ-мак 'Апедемак' (львиное божество) (см. § 14, примеч. 22); MRWR (егип. *mrwr* или *mrwl*), возможно, Мандулис греческих авторов.

Этимологию этих имен следует искать методом сравнительного сопоставления с другими языками, а также методом внутренней реконструкции и сравнения с явлениями мероитского языка.

б) Имена собственные людей

1. Они составляют крупнейший лексический слой и должны быть в первую очередь подвергнуты исследованию в отношении своей структуры, ибо способны дать ключ ко многим явлениям мероитской лексики.

2. Среди них обнаруживается важный разряд теофорных имен, т. е. содержащих имена богов с каким-нибудь соответствующим дополнением.

Примеры теофорных имен можно найти в § 14, где говорится о сложении слов (имена, включающие имена собственные богов, имена со словами МК 'бог', WTR 'святейший' и т. п.).

3. Имена, содержащие повторяющиеся элементы, выражают, согласно одной из лингвистических универсалий, ласкательно-уменьшительные отношения, например: VZLIZT, HZHIZYD и т. д.; см. § 12.2.

4. Имена можно выделить при помощи префикса *yi-* или *yu-*, например: YI : ŠURYE *yi-šur-ye*, YILIKETe *yi-lili-ka-ta*, YU : K... TEBEL *yu-k...tabel* (и. с. жен.).

Но поскольку эти префиксы могут присоединяться и к глаголам, они обращают те имена, к которым префигируются, в глаголы или, во всяком случае, придают им глагольную форму.

5. Качество имени собственного чаще всего, впрочем, подчеркивается приименным суффиксом YD, который употребляется с мужскими и женскими именами собственными безразлично³², например:

мужские имена: WYETEYE *wayete*, TuHNEH *'atuḥ-la ha-ye*, PUTUP *'aput*, EYETUP *'ey-eytup*;

женские имена: MTEYE *metey*, ŠRBIYE *šrbi-ye*, RBRYE *'arbri-ye*.

Этот суффикс иногда употребляется также с заимствованными именами собственными; § 9.3.

Суффикс *-ey-* ставится после всех других суффиксов: TETUKYIYE *tetuk-ye* Темейкзийе (и. с. жен.).

6. В качестве имен собственных можно также встретить нисбы на -LI или -TALI, конечно без различия рода, например: ;ARER-TALI *'arera-tali* (и. с. муж.); HŠUTALI < **ḥunšu-ta-li* 'богу Хонсу посвященная' (и. с. жен.).

7. В тех редких случаях, когда в имени хотят подчеркнуть пол, пользуются служебными словами; см. § 15.1.

8. Имена собственные, как правило, не принимают указательного местоименного аффикса -L. Однако, когда имя собственное обобщается до имени нарицательного, оно может принимать местоименный указательный аффикс (например PP+L *paraL*), так же как, когда имя собственное представляет собой сложное слово, один из элементов которых определен указательным аффиксом; см. § 25.

в) Топонимы

Как и прочие имена собственные, топонимы ничем особо не выделяются, разве что некоторые из них могут быть несколько длиннее, чем обычные мероитские имена нарицательные.

³² Э. Цильарц принимал его за показатель женского рода, но Ф. Хинтце правильно установил, что это лишь именной формант [29, с. 359].

Они явились важным ключом к дешифровке мероитского письма и языка, в особенности заимствованные топонимы, например: PИLQЭ 'Филе' (§ 5.3); ;RUMЭ 'Рим' (§ 5.4); PНRS (§ 7.7) 'Пахорас' — современный Фарас.

Другие топонимы: NPT/NPTЭ 'Напата'; PЭZЭME 'Пеземэ'; VЭZЭWI 'Мероз', ŠIMLU *šimalu* 'Шимале' (совр. Каср Ибрим, Примис Страбона); ŠYE *šaye* совр. Саи; NLUTЭ *nalutə* 'Налут'.

Топонимы употребляются обычно с локативным суффиксом *-tə* или нисбой *-təli*: *bedʷəwi-təli* 'мероитский'; § 22б.7.

г) Имена нарицательные

По своей структуре имена существительные делятся на первообразные и производные, т. е. такие, которые с помощью наращивания аффиксов изменили свою семантику; например, от основы QUR- образованы: *qur-ə* 'царь', 'царица'; *qurə-nʷ* 'милая царица' (титул богини Исиды).

При сложении же слов семантика не изменяется: *qurə-mdʷə-s* букв. 'царь—слуга—его', т. е. 'слуга (или раб) царя' (ср. араб. *'abd rabbi-h)*.

§ 22. ПОДКЛАСС ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Мероитские прилагательные разделяются, как египетские прилагательные, на качественные и нисбы, чего не предполагал Гриффис.

а) Прилагательные типа «качественных прилагательных»

Прилагательные, выражающие качество, ничем не отличаются от основ имен существительных, кроме своей позиции. Поэтому понять, что мы имеем дело с прилагательным, можно, только зная его место в цепи аффиксов; см. § 16.5. Кстати, прилагательные не отделяются на письме точками от имени существительного и образуют с ним одно графическое слово, поэтому его можно рассматривать наравне с аффиксами.

Известные нам прилагательные аффиксы обычно имеют краткие формы -CV, -CC, -CCV, -CVCV, т. е. не более двух согласных и двух, или одной, или \emptyset гласных: -QE/-QU *-qə/-qu* 'досточтимый, благородный'; -LH *-lah* 'большой, великий'; -MНЭ *-mḥə* 'многочисленный, обильный'; MLU *-melu* 'хороший, добрый'. Примеры: KZиQU *kadʷi-qu* 'благородная женщина'; MKLH *mak-lah* 'великий бог'; ;TuMНЭ *'atu-mḥə* 'обильная вода' (все слова из погребальной формулы).

Очень возможно, что все они являются на самом деле глаголами и значат не «благородный», а «тот, кто благороден» или «он благороден», «он велик», «он обилён», «он хорош» и т. д.

б) Прилагательные типа «нисба»

1. Помимо прилагательных аффиксов, выражающих качества, в мероитском языке имеются суффиксы типа «нисба». Как известно, в арабской грамматике, а потом и в египетской этим термином обозначают относительные прилагательные, способные субстантивироваться [6, с. 30—32].

2. К нисбам в мероитском языке следует, видимо, причислить суффикс -WI со значением 'относящийся к...'; он может комбинироваться с качественными прилагательными и другими аффиксами, но всегда занимает конечную позицию в аффиксальной цепи [6, с. 30—32].

Следует отметить, что WI не составляет одного целого с -QU и является самостоятельным суффиксом. Это видно, например, в надписи (VЭLULUWYЭ) QU: WI, где оба суффикса разделены знаком двоеточия [25, с. 3].

3. В частности, с суффиксом -WI сочетаются постоянно прилагательные аффиксы *-qə-*, *-mlu-*, например: QU-WI 'к благородному(-ой, -ым) относящийся'; -MLU-WI 'к хорошему(-им) относящийся'.

В контексте *qu : piy-uə-qu-wi*:³³ повторение *qu-* отнюдь не является тавтологией, а, вероятно, означает 'досточтимая (или благородная по личным качествам) Пийье, к благородным (предкам) относящаяся'. Суффикс -WI в этом случае не повторяется.

4. В египетском языке есть аналогичное окончание *-wj*, придающее оттенок экскламаторности предшествующему предикативному прилагательному [6, с. 31]. Нам сначала казалось, что мероитский суффикс может быть египетским заимствованием и в сочетаниях с *qə-*, *mlu-* и т. д. означать 'как благороден!', 'как хорош!' и т. д., но эту гипотезу пришлось оставить ввиду употребления в мероитском суффикса -WI с указательными и притяжательными местоименными аффиксами, где нет места для оценочной экскламаторности.

5. С указательным местоименным аффиксом *-l* (см. § 25) нисба принимает формы -LU или -LUWI, в которые включен *l* указательного местоименного суффикса: ŠTЭL *štə-l* 'эта мать' — STЭLUWI *štə-lu-wi* 'к этой матери относящийся'; MLU *məlu* 'хороший' — фраза (1)*štə-(2)lu* (3)*mə-lu-wi* значит, вероятно, '(1)мать (2)эта, к хорошим (матерям) относящаяся'³⁴.

6. С притяжательным местоименным аффиксом *-s* (см. § 25г) нисба часто принимает форму -TuWI.

При этом, мы полагаем, происходит переход *s > t* или *sl > tt*

³³ См. текст с. 96—97.

³⁴ Перевод Ф. Гриффиса «mother of a malēwi», с нашей точки зрения, ошибочен [25, с. 127].

и добавление эвфонического *у* перед *w* вследствие ассимиляции: MNITuWI < **mni-s-wi* или < *mni-s-l-wi* 'к Аммону относящийся'; MŠTuWI < ...*maš-s-wi* или < ...*maš-s-l-wi* 'к [богу] Машу относящийся'; HŠTuWI < ...*hunəš-s-wi* или < *hunəš-s-l-wi* 'к [богу] Хонсу относящийся'; KZITuWI < *kdʷi-s-wi* [25, с. 127] 'к женщинам его относящаяся'.

Однако в KZISLU *kdʷi-s-lu* 'женщине принадлежащий этой' сохраняется без изменения.

Нисбы отличаются от генетивных конструкций с конечным -s; см. § 25г.3. Так, *mni-s*, *mš-s* означают соответственно 'аммонов', 'машов' и т. д. Триггер отмечал, правда, что здесь неясно, являются ли имена в таких конструкциях прилагательными с окончанием -s, или это форма родительного падежа [58, с. 80—81].

7. С обоими местоименными аффиксами, указательным и притяжательным, нисба принимает форму *li-s-lu*: (1)'ant (2)mnp (3)*bədyəwi*-(4)*tə*-(5)*li*-(6)*s*-(7)*lu* '(7)относящийся к (6)нему (5)этому (1)священнику (2)Аманапа (4)в (3)Мероэ'.

8. Приименные суффиксы -NŸN-nʷinʷ или -nʷin (полная форма) и N-nʷ (краткая форма) встречаются с именами богов, в титулах и с некоторыми словами. Они выражают уменьшительность и ласку по способу повтора; ср. § 12.3.

Пример на употребление суффикса -nʷinʷ см. § 7.1.

Примеры на краткую форму суффикса: ;RITəN < *'aritə-nʷ 'милый Аритэ-(бог)', ср. § 10.1; NSTSəN < *'(a)nastas-ənʷ 'любимый (царь) Настасен', ср. § 9.3; QURəN < *qurə-nʷ 'любимая царица' (титул Исиды); ŠLƏQəN < *šlə-qə-nʷ 'любимый, досточтимый шлэ' (титул); QƏŠN < *qəš-ənʷ 'родной Куш' (топоним); ŠMLUŃ < *šimalu-nʷ 'родной Шимале' (топоним).

Эти суффиксы при встрече с сонорными подвержены ассимиляции; см. § 7.1.

9. Суффикс -TuR или -TR, возможно, передает превосходную степень или элатив: (1)*šura*-(2)*qə*-(3)*tr*-(4)*ri* '(1)Осирис (2)благород-(3)нейший (4)о!'; (1)*wə*-(2)*tur* **wə* 'священный'+*tur* 'священнейший'³⁵.

§ 23. ПОДКЛАСС ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Мы пока не знаем, как звучат имена числительные в мероитском, за исключением, возможно, числительного -*tbu* 'два'. Они, вероятно, принимают также форму суффиксов.

Впрочем, их цифровые начертания нам частично известны (см. § 3.6).

³⁵ Возможно, однако, что это египетское *wšr.t*.

1. Сложную задачу раскрытия структуры мероитского языка ставит перед нами глагол. Корень, основу и аффиксы в данном случае трудно выделить, а интерпретация их дает место самым фантастическим гипотезам.

Заслуга Ф. Хинтце [29] состоит в установлении того факта, что префиксы *p-* и *t-*, которые Э. Цильарц объявил родовыми показателями, ничего общего с родом не имеют.

Итак, рода нет! Категория лица до сих пор не определена, так же как не выявлены, несмотря на попытки, личные местоимения, обычно находящиеся в связи с глаголом.

2. Остается число. Но тут довольно ясно: появляется тот же показатель -B, что и для имени и для местоимения:

Множественное число: B-ŠIHR-B;

Единственное число: B-ŠIHR-Tu.

Вероятно, эти аффиксы указывают на число. Однако непонятно, зачем понадобился, по сути, избыточный аффикс -Tu для единственного числа (в других языках такой роскоши не наблюдается).

Показатель множественного числа ставится сразу после глагольного корня перед другими постфиксами:

p-š-i-hr-b
p-hul-b
p-š-i-hr-b-kə-tə
p-š-i-hr-bh-tə
p-hul-bh-tə
p-š-u-bh-tə
hul-bhə-kə-tə

3. Одногласный корень — типа C — выделяется в нескольких случаях, например: \sqrt{h} , \sqrt{h} , \sqrt{l} , \sqrt{s} , \sqrt{t} , \sqrt{w} .

Некоторые из этих корней, возможно, действительно одногласны, по крайней мере на письме они никогда не сопровождаются гласной: PŠIHR, PŠL, PŠ, PT... Другие могут быть типов C и CV, где V=ə, например: PŠIH и PŠIHƏKƏTƏ; мы полагаем, что между \sqrt{h} и $\sqrt{hə}$ семантической разницы нет.

Это, во всяком случае, видно из примеров:

y-i-H, *y-i-H-tə*, *y-i-Hə-kə-tə*;
p-š-i-H, *p-š-i-H-tə*, *p-š-i-Hə-kə-tə*, *p-š-i-Hə-kə-s*;
p-š-u-Hə-kə-tə, *p-š-u-Hə-bh-kə-tə-s*.

Третий корни только типа CV, например: \sqrt{wi} , $\sqrt{wə}$, \sqrt{hu} , $\sqrt{šu}$, \sqrt{zu} .

4. Двусогласные корни бывают типа CC (\sqrt{hr} \sqrt{th} , \sqrt{pl} , \sqrt{hl}), типа CVC (\sqrt{hul} , возможно \sqrt{hl} , $\sqrt{kəh}$, $\sqrt{twəd}$) и типа CCV ($\sqrt{trə}$, $\sqrt{klə}$).

Корень \sqrt{hr} , к примеру, выделяется в следующих словах:

YIHRB, YIHRKЭTэ, PŠIHR, PIŠIHRKЭ, PŠHRKЭTэ, PŠIHRKЭTэ, PŠHRKЭS, PŠHRTэS.

5. Трехсогласный корень встречается очень редко, есть только один пример: \sqrt{ziz} ($d^yutəd^yi$). Такая структура противоположна, например, семитским корням, где все три корневых должны быть или разными, или $R^2=R^3$.

6. С глагольными основами употребителен ряд префиксов, перечисленных в табл. X.

«Семья» префикса Y-: *yu-*, *ye-*, *yi-*. Все они употребительны также с именами собственными (см. § 216.4 и 5), а префикс *yu-* — также с наречными суффиксами (§ 266.2).

Префикс *tə-*, который иногда встречается вместо *uə-*, был совершенно справедливо отвергнут Ф. Хинтце как показатель рода. Этот исследователь сопоставил эпитафии братьев и сестер и ясно показал, что ни одна из форм префиксов, ни *uə-*, ни *tə-*, не связана преимущественно с лицами какого-нибудь одного пола [29, с. 366].

Однако, что собой представляют эти префиксы, осталось до сих пор неясным. Быть может, это диалектизм?

«Семья» префикса P-: *p-*, *pə-*, *p-š-*, *p-š-i-*, *pə-ši-*, *pi-š-*, *pi-ši-*, *p-w(i)-*, *pi-tu-ši-*.

Среди этих префиксов есть простые, но есть и сложные, составленные из двух и даже трех морфемических элементов: инфиксы *-š-*, *-Tu-*, *-W-*.

Префиксы *b-š-* и *b-ši-*, возможно, представляют собой диалектные варианты префиксов *p-š* и *p-ši*, но уверенности в этом нет.

Во всяком случае, префиксы *p-* и *b-* как основные представители этой «семьи» сопоставимы с формантами нубийского (махас *fa-*, кунузи *bi-*), арабского и других языков, где они служат показателями настоящего длительного времени или указывают на то, что действие происходит в данный момент [58, с. 77].

Есть еще два префикса: $\sqrt{-'a-}$ «арах *legomenon*» (?) и $\sqrt{QE-}$ *əqə-*, который встречается также и с именами; предполагают, что он выражает претерит.

7. Неясна роль гласных в префиксах: релевантны ли в морфологическом плане такие оппозиции, как $p-š-I-\sqrt{hə-kə-tə}/p-š-U-\sqrt{hə-kə-tə}$, или нет?

Отдельные случаи противопоставления по вокализму — *i/u*, *i/ə* — пока не позволяют сказать, связаны ли эти явления с какими-либо изменениями семантики и не следствие ли это *scriptio defectiva*.

Что бы там ни было, можно считать, что эти префиксы все же несут в себе значения склонения или видо-временных изменений.

8. Постфиксы, следующие за корнем, к собственно спряже-

нию глагола, видимо, имеют лишь частичное отношение. За редкими исключениями, они те же, что и постфиксы имен.

Нулевая основа, т. е. не принимающая постфикса, противопоставляется основам с одним или несколькими постфиксами, а именно такими: *-Tu*, *-Tə*, *-KЭ-Tə*, *-KЭ-S*, *-KЭ-LI-H*; *-B*, *-BḤ*, *-TZ*, *-Tə-S*, *-B-H-KЭ-Tə-S*, *-HḤ-LU-WI*.

Общее число постфиксов иногда доходит до пяти, но может быть больше. К категории числа относятся постфиксы *-b* (показатель множественности) и, вероятно, *-tu* (показатель единичности?). Постфикс *-tə* не аллофон *-tu*, так как встречается вместе с *-b*, например *-b-h-tə*, *-b-kə-tə*.

9. Употребление глагольных основ с постфиксами применного типа, как, например, *-KЭ(HḤ)-LI(LU-WI)*, позволяет предполагать существование неличных форм глагола, например причастия; см. § 266.3.

Своего рода *nomen agentis* (имя деятеля) можно видеть в слове *šahə*, входящем в священный титул *MKЭSHḤ*, употреблявшийся в Напате: *makə-šahə*, возможно, значит 'бога поилец', 'тот, кто поит бога'.

§ 25. КЛАСС МЕСТОИМЕНИЙ

На данном этапе наших знаний можно выделить лишь а) указательные местоименные аффиксы, б) приглагольные аффиксы прямого объекта, в) приглагольные аффиксы косвенного объекта, г) притяжательный местоименный аффикс.

а) Указательные местоименные аффиксы

1. Их роль, как и роль артиклей, сводится к указанию на особое положение слова, к которому они присоединяются. Поэтому их часто описывают как артикль [58, с. 76]. Они встречаются только с именами и послелогоми и не употребляются с глаголами.

2. В определенном состоянии (§ 19) имя в единственном числе принимает постпозитивный *-L*:

Неопределенное состояние	Определенное состояние
<i>pəštu</i> 'псентес' (гражданский титул, вице-король')	<i>pəštu-L</i> 'этот псентес'

3. Различие в роде при этом не отражается:

Неопределенное состояние	Определенное состояние
<i>'abr</i> 'человек'	<i>br-L</i> 'человек этот'
<i>sm</i> 'жена'	<i>sm-L</i> 'жена эта'
<i>ktkə</i> 'кандака'	<i>ktkə-L</i> 'кандака эта'
<i>palamuš</i> 'военачальник'	<i>pəlmuš-L</i> 'военачальник этот'

4. Во множественном числе прибавляется суффикс -В, образующий вместе с -L один слог -LЭВ:

Единственное число	Множественное число
'abr-l 'человек этот'	br-lab 'люди эти'
pqr-l 'пакар (титул) этот'	pqr-lab 'пакары эти'
pəštu-l 'псент (титул) этот'	pəštu-lab 'псенты эти'

5. Имя в неопределенном состоянии теоретически не должно иметь иного показателя, кроме \emptyset . Тем не менее следует обратить внимание на формы слов без указательного местоимения: в этом случае они часто имеют более полные огласовки на письме:

Неопределенное состояние scriptio plena	Определенное состояние scriptio defectiva
ktkə	ktk-l
peləmuš	pəlmuš-l
'abr	br-lab

6. Можно, следовательно, предполагать, что слово, оформленное указательным местоименным аффиксом, видоизменяется, что наличие указательного местоимения вызывает стяжение гласных в произношении.

Что касается согласных, то тут мы, вероятно, имеем дело с обычными ассимиляциями. Например, титул *šlā-qə-n* с указательным местоименным аффиксом принимает форму *šlā-qə-L*, где $L < *ll < *n^y + L$; см. § 7.1.

7. Указательный местоименный аффикс -l (3) в цепи аффиксов обычно помещается после основы (1) и притяжательного местоименного аффикса -s (2), например: (1)*kadyi*-(2)*s*-(3)*l* '(1)женщине (3)этой (2)принадлежащий' (ср. англ. (2)*of* (3)*the* (1)*woman*); (1)*wuš*-(2)*s*-(3)*l* '(1)Исиде (2)принадлежащий (-посвященный) (3)этот' (и.с.муж.).

8. Когда указательный местоименный аффикс относится к комплексу из двух слов (изафет), то он ставится перед притяжательным местоименным аффиксом, например: (1)*pəlmuš* (2)*atu*-(3)*l*-(4)*is* '(1)начальник, (2)воде (3)этой (4)принадлежащий' (т. е. 'начальник воды').

9. Возможны и другие суффиксы после указательного местоименного аффикса, например: *mak-l-tə* (надпись Танийдама-ни, 6); *'abr-s-l-w* (надпись Акинидада, 23, 34).

10. Примечательно, что постпозитивный артикль -l встречается в древнунубийском [58, с. 189]; ср. § 10.1. Не следует, впрочем, забывать об указательном местоименном префиксе *l(a)*- в языках банту (зулу) для единственного числа [9, с. 33]. В формах множественного числа в тех же языках встречается

префигированный показатель для класса людей *aba-*, например в зулу: *umu-ntu* 'человек', *aba-ntu* 'люди' [9, с. 33].

б) Приглагольные аффиксы прямого объекта

Для 3-го лица выделяется аффикс -TZ 'их' ('его?'). В надписи Акинидада (с. 167): ЭКЭZ-TZ 'убил их', ЭRK-TZ 'пленил их'; ср. § 18.3.

Возможно, что *t* представляет собой указательный элемент. В нубийском 3-е лицо указательного местоимения *te-z*, в барэа *ti-*, в мерарит *te-*.

в) Приглагольные аффиксы косвенного объекта

В ранних текстах:

ед. ч.: -H или - \emptyset 'ему';

мн. ч. -BH 'им'.

В поздних текстах:

мн. ч. -BH или -B 'им'.

г) Притяжательный местоименный аффикс

1. Мы знаем пока только один местоименный притяжательный аффикс — 3-го лица -S 'его (ее)', 'него (нее)', 'свой(своя)' в формах -s после V и *is/əs-* после C.

2. Этот аффикс встречается с именами, он преимущественно выражает принадлежность. Примеры написания имен собственных подтверждения это: *wuš-s-l* и.с. — значит 'Исида — ее этот(эта)' (мужчина/женщина); *wuš-mak-əs* и.с. — 'Исида — богиня ее' (эта женщина, т. е. посвящена ей); *mak-əs-tamə* и.с. — 'бог — его тамэ'.

Другие примеры см. § 14 (3, 4, 5).

4. Египтологи склонны видеть в S аффикс -s-, передающий 'связь принадлежности, т. е., по сути, функцию родительного падежа или так называемый *nota genitivi* египетской грамматики. Конструкции типа *'ant-mš-s* они переводят 'жрец Маша', что логически совершенно правильно. Мы, однако, предпочли перевод 'жрец — Маша его', как более точно передающий этимологическое значение всего оборота.

5. Аффикс -s- встречается также с глаголами: *bi-šu-hə-bhə-kə-s* 'вода пить им из него(нее)'; *hul-kə-s/hul-kə-tə-s* 'из него/нее'; *hul-bhə-kə-tə* '? им из...'

§ 26. КЛАСС ЧАСТИЦ

В классе частиц можно выделить: а) суффиксированные послелоги; б) наречные частицы; в) междометийные частицы.

а) Суффиговые послелого

1. Предлоги в мероитском языке принимают форму предложных постпозитивных частиц или суффигованных послелогов. Выделены пространственные послелого: локативные (-NL, -Tə) и отделительные (-KƏ/НЭ).

Локативный послелог -Tə может иметь и временное значение.

2. Локативный послелог -NL(W) < *nə-lu[w]i 'перед', например [29, с. 368]: WUŠ : NLW (1)wūs-(2)nə-lu-w '(2)перед (1)Исидой'; WUŠ : PILƏQƏTƏL : NL (1)wūs : (2)piləqə-tə-l-(3)n-l '(3)перед той (1)Исидой (2), которая в Филе'; WƏŠ : PILQƏTƏL : WƏŠ : TƏBWƏTƏL : NBƏTW : YƏBƏRWI (1)wəs (2)piləqə-tə-l (3)wəs (4)təbwə-tə-l (5)n-bət-tw (6)yə-bər-wi [(5)n-bət-tw < *n-bə-s-lw] '(5)перед (1)Исидой, (2)которая в Филе, (3)и Исидой, (4)которая в Абатоне, (6)здесь есть (имеется)'.
Послелог nəl(w), видимо, образован из N 'перед' + указательный элемент -L. Элемент -W < *uw-[i], т. е. LW < *lu-w-[i].

3. Локативный послелог -Tə 'в, внутри, там, где' употребляется преимущественно с топонимами, например: BƏZƏWƏ-Tə 'в Мероз'; PILQƏ-Tə 'в Филе'; ZƏRƏ-Tə 'в Азерэ'; MK-L-Tə 'там, где бог'.

Этимология его должна быть конкретна, т. е. он, вероятно, происходит от имени существительного, означающего «нутро, брюхо», ср. нуб. *tū*. С другой стороны, во всех семи ветвях восточносуданских языков встречаются суффиксы, содержащие зубной согласный и имеющие значение указательности: нуб. -do; динка -t; масаи -t; дидинга -to/-ti; барэа -t/-ta/-ti; таби -te; мерарит -ta; дагу -ti.

4. Локативный послелог -Tə может сочетаться с местоименным указательным аффиксом (§ 25), образуя краткие нисбы -TəL (1) или -TəLU (2) или полную нисбу -TəLU-WI (3). Примеры: (1) YƏRWZUZTƏL yərwad'ud'ə-ətəl; TIYƏTƏL 'atiyə-təl; (2) KINTƏLU 'akin-tə-lu, ŠIMLUTƏLU šimalu-tə-lu, NLUTƏTƏLU nalutə-tə-lu; (3) NLUTƏTƏLUWI nalutə-tə-lu-wi, ŠYƏTƏLUWI šayə-tə-lu-wi, YPHƏTƏLUWI yipəhə-tə-lu-wi.

Гриффис переводил это так: (1) 'в Йервазуэ', 'в Атийе'; (2) 'в Акине', 'в Шимале', 'в Налуте'; (3) 'в Налуте', 'в Шайе', 'в Йипахе'.

Ныне мы полагаем, что они, скорее всего, составлены по формуляру: «этот или который в N (место) (проживающий/находящийся)», т. е. 'этот йервазуец', 'этот акинец', 'этот налутец' и т. д., как по-арабски мы бы сказали 'al-ibrimi, 'al-sayū'i 'ибримец', 'сайиец' и т. п. (с артиклем 'al).

5. Варианты -TəLI суффикса -TəLU частично являются алломорфами суффикса -LI; см. § 26в.6. Они поэтому, вероятно, все перешли в -TəLU перед w (-WI), т. е. подверглись ассими-

ляции. Примеры: PəZƏMƏ-TəLI 'в Пеземэ'; NLUTI-LU 'в Налуте' < *nalutə-ti-lu; WUŠ : PILƏQƏTƏL 'Исида, которая в Филе, филейская Исида'.

6. Локативный послелог -Tə 'в' в известных случаях может, видимо, рассматриваться как временная частица. Так, например, употребленный со словом šəšimə-Tə, он, вероятно, означает: 'в жречествование', 'во время исполнения жреческих обязанностей таким-то'.

7. Отделительный послелог -KƏ (с фонетическим вариантом -НЭ после звонких) 'из' или 'от' часто встречается с именами и с глаголами. Известен послелог -ZIK со значением отделительности 'из'.

8. Отделительный послелог -KƏ с топонимической нисбой на -wi: NPTuKƏLUWI < *(1) napatu-(2)kə-(3)lu-(4)wi '(2)из (1)Напаты (3)тот, который (4)происходящий' [25, с. 41].

Названия частей света также оканчиваются на -kə; они, может быть, означают «сторона, откуда дует такой-то ветер»: yərə-kə 'юг'; yərə-wa-kə 'восток'; tən^y-kə 'запад'; ср. 10.1.

9. Отделительный послелог -KƏ с «причастием»: YƏRIKƏLI/YƏRIKƏLUWI yə-ri-kə-li/yə-ri-kə-lu-wi 'зачатый от (отца такого-то)'; YƏZHƏLI/TƏZHƏLUWI yə-d^y-hə-li / tə-d^y-hə-lu-wi 'рожденный от (матери такой-то)'.
10. Отделительный послелог -KƏ с глаголом: (1)bi-(2)šu-(3)hə-(4)hə-(5)kə-(6)s '[вода обильная], (1)чтобы (2)пить (3)им (4)от (5)нее'; (1)hul-(2)kə-(3)s '(1)... (2)из (3)него'; (1)hul-(2)hə-(3)kə-(4)ta '(1)... (2)им (3)из (4)...'.

б) Наречные частицы

1. Структура наречных частиц, как в большинстве языков, должна быть основана на повторах корневого элемента.

2. В самом деле, мы находим сложный аффикс -YUTITU со значением 'до', 'так далеко' (as far as), который состоит из префикса *yu+* + *titu*, например: PəZƏMƏ-YUTITU 'до Пеземэ' [25, с. 62].

Префикс *yu-* здесь такой же, как в именах собственных и в глаголах (§ 216.4), что наводит на мысль о том, что наречные частицы могут оформлять и глаголы.

3. Наречный оборот см. § 16.9.

4. Частица *bər* 'здесь' оформляется как глагол с помощью префикса *yə-*, а также принимает окончание нисбы -wi: *yə-bər-wi* 'здесь есть', 'здесь имеется', букв. 'есть здешний'. Пример без *yə-* см. § 16.11.

в) Междометийные частицы

1. О собственно междометиях мы пока ничего не знаем.

2. Бросается в глаза существование своего рода вокатива—

суффикса, встречающегося в так называемых инвокациях, т. е. обращениях к богам.

3. Этот вокативный суффикс имеет две формы — краткую $-i$ и долгую $-Li$, вероятно, со значением интенсивности.

4. Суффикс $-i$ (после C) или $-Yi$ (после V) добавляется к основе и выражает чистый вокатив, например: *wiš-i* 'Исида!'; *apədʹəmk-i* 'Апедемак!'; *(a)manap-i* 'Аменопе!'; *šur-i* или *šura-Yi* 'Осирис!'

5. Возможно также, что написания $;M\dot{N}/;MNI$ следует читать **'amin-yi* 'Амон!', а не просто *'amini* 'Амон'.

Мероитский титул $QUR\dot{E}N$ в египетской демотике транскрибируется *qrny* (M1, II, с. 72).

6. Интенсивный суффикс $-Li$ состоит, видимо, из двух элементов: $-l$ — указательная местоименная частица + $-i$ — частица вокатива. Он ставится последним в цепи суффиксов и по значению соответствует русскому междометию «о!», например: $MKLHLi$ (1)*tak*-(2)*lah*-(3)*l*-(4)*i* '(4)О, (3)этот (1)бог (2)великий!' [31, с. 99].

7. Элемент l в суффиксе $-Li$ подвержен ассимиляции, например $r+l > rr$; см. § 7.1.

8. Суффикс $-Li$ может отбрасываться в конец фразы; см. § 20.6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта работа подводит итог тому, что сделано до сих пор для изучения мероитского языка и интерпретации мероитских текстов. Дешифровка письма и первое представление ученому миру мероитского языка навсегда останутся безусловной заслугой Гриффиса. За редкими исключениями, авторы «Мероитского языка» не пытались выдвигать новые гипотезы, более того, они должны были все время себя сдерживать, чтобы не пойти по этому скользкому пути; они старались отобрать и представить лишь те факты и сведения, которые им показались наиболее достоверными.

Во всяком случае, с начала века, т. е. как раз со времени дешифровки Гриффиса, мероистика сделала кое-какие шаги вперед, но до окончательной дешифровки мероитского языка еще далеко.





Сейчас, благодаря сводным работам Жана Леклана (Париж) и Брюса Триггера (Монреаль), издающим «Бюллетень мероитской информации» (BIM) и подготовляющим издание репертуара мероитских надписей (REM), а также благодаря плодотворной деятельности профессора Ф. Хинтце (ГДР) и его школы, давшей ряд ценных трудов, можно надеяться на сосредоточение сил семитологов всего мира над этой проблемой, в которую включаются настоящей публикацией два советских востоковеда.







ПРИЛОЖЕНИЯ






ТАБЛИЦЫ

Таблица 1






«Монументальное письмо»








№ п/п	Знак и его описание	Транслитерация	Транскрипция	Происхождение знака	Его судьба в мероитском
1	 сидящий человек с поднятой рукой	;	'a	В егип. иероглифике такого знака нет	Это знак мероитского происхождения
2	 страусовое перо	E	a	Егип. иероглиф Н-6 «страусовое перо» имеет фонетич. знач. <i>šw</i>	Сначала был заимствован егип.  'метелка тростника'; с падением ларингала в мероитском этот знак стал обозначать нейтральный гласный. Чтобы его не путать с мероит. знаком 5, его исходная форма была изменена
3	 голова быка	U	и	Егип. иероглиф F-1 «голова быка» заменяет иероглиф E-1 «бык» k;	Фонет. соотв. неясно

№ п/п	Знак и его описание	Транслитерация	Транскрипция	Происхождение знака	Его судьба в мероитском
4	 стоящий человек с поднятой рукой	I	i	В егип. иероглифике иег	Знак мероитского происхождения
5	 две метелки тростника	Y	y	Егип. иероглиф M-17 «метелка тростника» i	Удвоенный, согласно фонограмматологическому принципу: i + i → y
6	 лассо	W	w	Егип. иероглиф V-4 «лассо» w;	w; >w, т. е. произошло падение ларингала
7	 овен (ovis longipes palaeoaegypticus)	B	b	Егип. иероглиф E-10 «овен» b;	b; > b По Верготу, егип. b звучал фрикативно - b̄ (вероятно, звукоподражание)
8	 площадь, разделенная на шесть равных частей	P	p	Егип. иероглиф Q-3 p	Согласно фонограмматологии, это квадратная реализация протознака  , изображающего «рот с двумя сомкнутыми губами», т. е. губно-губное произношение.

9	 сова	M	m	Егип. иероглиф G-17 m	Без изменения, если не считать направления чтения
10	 две волнистые линии	N	n	Егип. иероглиф N-35 n символически изображает поверхность воды	Почему в мероитском понадобилось удвоить этот знак? По фонограмматологическому принципу: чтобы как-либо усилить звучание обычного n! В мероитском это, стало быть, ni или мсроитском n̄. Возможно также, что усиление здесь вызвано противостоением звуку ny, передающему мягкий палатальный n, и символизирует как бы его «затвердение»
11	 два тростника с двойными побегими	N̄	ny	Егип. M-22 ny	Этот знак был еще раз удвоен в мероитском удвоенем «побегов». Он передает, согласно принципам фонограмматологии, двойной звук; в данном случае — палатальный ny, противопоставленный знаку 10
12	 (вариант)  прямоугольник	R	r	Соответствует егип. иероглиф N-37 «пруд» с фонетич. знач. §	Согласно принципам фонограмматологии, мероитские знаки являются квадратной реализацией египетских прототинов: Д-11 «рот» с фонетич. знач. r и N-5 «солнце» r' с последующим падением ларингала *

* Согласно тем же принципам, такой же знак является квадратно-линейной реализацией протознака «солнце» (круг с точкой в центре) в китайской иероглифике.

№ п/п	Знак и его описание	Транслитерация	Транскрипция	Происхождение знака	Его судьба в мероитском
13	 лежащий лев	L	l	Егип. иероглиф E-22 «лев» с фонетич. знач. <i>rw</i>	Значение <i>l</i> , быть может, семитское влияние: ассир. <i>labbi</i> , евр. <i>labi</i> , араб. <i>labwat</i> (егип. <i>labi</i> , отмеченное Курциусом, в словаре Грациона не приведено).
14		H	h	Егип. иероглиф Aa-1 <i>h</i>	При переходе знака в мероитский одна черта — для упрощения — заменила несколько параллельных черт египетского знака. Во всяком случае, фонограмматологически он может быть сопоставлен со знаком 12
15		Ц	h	С егип. иероглифом F-32 <i>h</i> соотв. нет	
16	 удвоенный крест	S	s	В египетском соответствии нет	Фонограмматологически это двойной знак, дифференцированный из прото-знака + «два передних ряда зубов». В мероитском этот знак соответствует, видимо, одной только фонеме
17	 три стержня на подставке	Š	šy	Егип. иероглиф M-8 «пруд» с фонетич. знач. <i>š</i> ;	Мероитский знак принял прямоугольную форму основы и утратил ларингал. Согласно фонограмматологии, знак стилизован из протознака Ш — «ряд зубов»

18	 утка (видимо, без различия шилохвост/нешилохвост)	K	k	В егип. иероглифике два знака «утка»: G-38 «гусь» (Anser albifrons) <i>gb</i> ; G-39 (Dafila acuta) <i>s</i> ; Ни один из них фонетически не совпадает с мероит. знач.	Возможно, египет. <i>gb > kw</i> в мероит.
19	 (вариант)  треугольник	Q	q	Егип. иероглиф № 29 <i>q[k]</i>	Упрощенная передача египетского знака
20	 видообразный знак, усложненный диакритической деталью	T	t	В египетском соответствии нет	Соответствие этому знаку встречается в ливийском, где он приобретает квадратную форму —  <i>t</i> . В ливийском этот знак был дифференцирован из  <i>d</i> и поэтому находится в «своем ареале». Согласно фонограмматологическому принципу, он должен быть заимствован из ливийского в мероитский, а не наоборот.
21	 глаз с деталями кола	Z	dʷ	Егип. иероглиф D-10 «священный глаз Гора», редкий иероглиф, не имеющий демогической формы: <i>wqj; t</i>	Только <i>d</i> , вероятно, перешло в мероитский. Мероиты должны были произносить этот звук как <i>dʷ</i> (см. § 4.4)










№ п/п	Знак и его описание	Транслитерация	Транскрипция	Происхождение знака	Его судьба в мероитском
22	 квадратная реализация волюты под чертой	Тэ	tə	Знак составлен из двух егип. иероглифов: знака N-16 «земля», знач. <i>t</i> ; упрощенного в черту; знака O-4 <i>h</i> «двор». Употреблялся для транскрипции древних эфиопских имен, вместо <i>t+h</i> , например, в имени <i>Tarasis</i>	Из многих сопоставлений следует, что гласный именно э, тем более что он не пишется перед гласным. Видимо, в мероит. первый знак утратил ларингал, вместо него добавили второй знак <i>h</i> , видимо, в качестве mater lectionis, так как он не произносится
23	 (вариант) rog	Ту	tu	Егип. иероглиф F-16 «рог», <i>db</i> , 'b повернут в другую сторону, см. § 1.4	Не пишется перед гласными, ибо передает два звука по схеме CV. По Масперо, этот знак применен для <i>t</i> (вместо копт. TO ' страна), употреблявшегося египтянами как детерминатив местности

Таблица II

Знаки монументального мероитского письма
в сравнении со знаками
ливио-берберского письма

№ п/п	Мероитский знак	Звучание	Ливийский знак	Звучание
15		h	 берб.	q
16		s	 берб.	z
20	 	t	 лив.	t

«Демотическое письмо»

Таблица III

знак инвариант	варианты знака	транслитерация	звучание
1	7Z, 9Z	3	ä
2		Э	ə
3	//	и (Ê)	и
4		И	i
5	∨	У	y
6	3	W	w
7		В	β
8		Р	p
9		М	m
10		К	n
11		Н	nʸ
12		Р	r
13		Л	l
14		С	h
15		Н	h
16		С	s
17	В	Š	š
18		К	k
19	В, 3, Н	Q	q
20		Т	t
21		З	aʸ
22	1/2 K, 4	Tə	tə
23	9, 9	Tu	tu
24		Ч	(?)

Соответствия между «монументальной» и «демотической» письменными системами

Таблица IV

1	— 52	левая часть знака=№ 2; правая: петля—голова, «хвостик»—рука
2	— 5	петля—бородка пера, «хвостик»—его основа
3	— /	связь не устанавливается
4	— 4	мачта—тело, согнутая линия—рука
5	— ///	четыре вертикальных линии упрощены в три
6	— 3	петля, поворот на 180°
7	— ∨	рога
8	— 2	квадраты не закрыты и повернуты на 45°
9	— 3	голова и крыло совы; повернут на 180°; знак существует в египетской демотике
10	— 2	две вертикальные линии с «хвостом», символизирующим зигзаг; знак повернут на 45°
11	— 2	связь не устанавливается
12	— ω	связь не устанавливается
13	— 4	связь не ясна
14	— 4	связь не ясна
15	— 3	связь не ясна; знак, возможно, повернут на 45°

16		—	///	вероятно, две вертикальные линии соответствуют вертикалям монументального знака; угол — горизонтальным линиям знак повернут на 45°
17		—	з	
18		—	з	голова, тело и хвост утки
19		—	л	связь не ясна
20		—	з	точка внутри кривой линии соответствует углу в закруглении монументального знака
21		—	л	верхняя линия — глаз, поперечная с «хвостом» — украшения под глазом
22		—	л	угол и линия соответствуют «дому» и линии монументального знака, но повернуты на 45°
23		—	л	точка внизу вместо второй линии рога
24		—	ч	тот же знак, что в египетской иероглифике

Таблица V

Мероитские знаки с параллелями в других системах письма народов Средиземноморья

№ п/п	Мероитские инварианты	Звучание	Мероитские архаические варианты	Семитские: финикийский еврейский	Самаритянские	Ливийские
1	sz	'a	7Z, 4Z	-	-	-
3	l	u	//	'Yw	⌘ w	w' =
11	z	h		-	-	⌘ (туарег)
12	w	r	-	ω, wš	ω š	W š (туарег)
13	z	z	-	z, h l	z l	l (туарег)
14	z	h	-	-	z h	-
15	z	h	-	-	z h	-
19	л	q	К, Э	P, P, P	P q	-

Падение египетских ларингалов и губно-губных и образование гласных в мероитском

Египетские иероглифы	Звучание	Мероитские буквы	Звучание
F-4	yh	з	e/u
V-4	w;	6	w
E-10	b;	7	b
N-5	r'	12	r
M-8	š;	17	š ^y
D-10	(w) d' (t)	21	d ^y
N-16	t? + h	22	ta
O-4			.
G-38	gb	18	*k ^w , *ku, k
F-16	db	23	*t ^w , tu, иногда -t

Таблица VII

Мероптские цифры

1	(a)	(б)		(a)	(б)
1			10	1	1
2	//,	λ	20	1	1
3		λ*	30		X X
4		... /?/	40	∨	∨
5			50		3,2
6			60		
7			70		
8		2	80		
9		ρ	90		
100	∪		1000	2	3
200	∪*		2000		
300	∪		3000	∪	
400					
500					
600	∪				

* Знак этот тот же, что и для буквы.

Таблица VIII

Таблица согласных

	Лабии- альные	Денталь- ные	Пала- тальные, палата- лизован- ные	Дор- сальные	Увуляр- ные
Фрикативные	<i>b</i>	<i>s</i>	<i>ʃy</i>	<i>ħ</i>	<i>ħ</i>
Смычные	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>dy</i>	<i>k</i>	<i>q</i>
Носовые	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ny</i>		
Полугласные	<i>w</i>		<i>y</i>		

Вне локальных рядов: ларингал — ; плавные — *l, r*.

Таблица IX

Сочетания аффиксов между собой

	L	S	T	B	Н	LI	LU	WI
L			L-Tə	LɛB		LI	SL-W	
S	SL					Tə-LI	Tə-LU	Tə-LU-WI
T	TL	TZ					Нɛ-LU	Нɛ-LU-WI
Н	ə	KɛS	Kɛ-Tə		Н	Lɛ-LI	Kɛ-LU	Kɛ-LU-WI
K								
B								

- (1) *paṣama-ta-li* 'в Пеземе этом', Пеземе — топоним (§ 21в); суффикс *-ta-li* (§ 26а.5).
 (2) *natak-'amani* и.с. муж. (ср. § 14).
 (3) *'amani* 'Амон', и.с. бога (§ 9.1, пример 1); *madya* 'слуга';
s- 'его', притяжательный местоим. афф. 3-го л.;
l- 'этого', указательный местоим. афф.
 (4) *'amani-ture* и.с. муж., ср. § 14.
 (5) *'arita-n'y-l* 'Аритень', и.с. бога из *'arite* (ср. нуб. § 10.1)+*n'y* (ласкательно-уменьшительный суф.) (см. § 22б.8)+*l-* (местоим. указат. афф.: англ. «the god», фр. «le dieu».)
 (6) См. (3).
 (7) *šur* или *'ašurə* 'Осирис', и.с. бога (см. § 9.1, пример 4 и § 21, пример 2); *'akarur-* 'наместник', титул (см. § 10.5, пример 2), досл.: 'Осириса наместник'.
 (8) *tak-(k)adya* 'богиня' (§ 1.7, пример 2, § 15.); *-ka-l*, досл. 'от этой', *ka* — отделительный послелог (§ 26а).
 (9) См. (6).

Меронтский текст «демотическим письмом» *

4115013 : 4318 1
 431135411E : D 2
 43159C79K : 91110V052 3
 431593409111 : 5111 ... E52 4
 K92 9343E : 933 C52 5
 K92033E : 933 752 6
 15K-E : 4113503 : K93433 7
 143.7 : 5513543 8

* Надпись Qustul (Q. T. 3.37), см. [56, с. 295; 40, № 1070].

Транслитерация

1. WUŠI : ŠUR_EYI
2. QU : PYY_EQUWI
3. ;RBRYE : T_EZH_ELUWI
4. ;P/UT_E/Y_E : Y_ERIK_ELUWI
5. ;TuM_E : PŠIH_EK_ET_E
6. ;TM_E : PŠHRK_ET_E
7. ŠŠIM_ET_E : MR_EQUL : ŠT_ELU
8. ŠL_EQ_EL : Z.MLU

1. *wuš-il šurə-y-il*
2. *qu : piy-ya-qu-wi*
3. *'arbri-ya : ta-d'y-ħa-lu-wi*
4. *'aputa-ya : ya-ri-ka-lu-wi*
5. *'atu-mħa : p-ši-ħa-ka-ta*
6. *'at-mħa : p-š-ħr-ka-ta*
7. *ša-šima-ta : maraḡul : šta-lu*
8. *šla-qa-l : d'y.mlu*

Перевод

1. Исиди! Осирис!
2. Досточтимую! Пийе к благородным (предкам) относящуюся
3. От (матери) 'Арбрийе : рожденную
4. От (отца) 'Апутейе : зачатую
5. Питье обильное : напоите от него
6. Пища обильная : накормите от нее
7. В священство : Марекула : по материнской (линии от)
8. Шлекеня потомство доброе.

Комментарий

- (1) Обычная invocatio богам в начале надписи: *wuš* 'Исида', *šure* 'Осирис' — егип.-копт. заимствования (см. § 9.2, примеры 1 и 2). Относительно порядка этих слов см. § 16.2. Относительно формы вокатива см. § 26в.4.
 (2) Объяснение перевода см. § 22б.3.
 (3) *'arbri-ye* и.с. жен. (см. § 21б.5, пример 3). Слово *ta-d'y-ħa-lu-wi* образовано как «причастие» от *yd'y* 'рожать, рождать', относительно префикса *ta-* см. § 24.6; суффикс *ħa-* (вместо *-ka* рядом со звонкой) выражает отделительность 'от' (§ 26а.7); *lu-* — указательный местоименный аффикс+нисба *-wi* (§ 26а.4); вместе это значит 'та, которая рождена от [матери Арбрийе]'.
 (4) *'aputa-ya* и.с. жен. (см. § 21б.5, пример 3); егип. заимствование (§ 9.1, пример 9 и ср. § 10.4, пример 1). Слово *ya-ri-ka-lu-wi* 'зачатый' образовано от *Yri* 'зачинать, порождать' по модели «причастия»; префикс *ya-* (§ 24.6) указывает на «глагольность», а суффикс *-ka* выражает отделительность — 'от'; вместе с «определенной нисбой» — *lu-wi*, все это может означать 'тот, который зачат от [отца Апутейе]'.
 (5) *'atu* 'вода, питье' (§ 10.1, пример 5); *-mħa* 'обильный', прилагательный суффикс. Глагол *p-ši-ħa-ka-ta* содержит префиксы *p-ši* (значение которых не установлено), корень *Yħa* 'пить' и суффиксы *-ka* ('от') и *-ta* (вместо *-s*); все вместе может значить 'питье обильное, чтобы напоить от него'.
 (6) *'at* 'пища, хлеб' (§ 9.1, пример 12); *-mħa* (см. 5). В глаголе *p-š-ħr-ka-ta* выделяется *Yħr* 'кормить'. Вся строка можно перевести 'пища обильная, чтобы накормить от нее'.
 (7) *ša-šima-ta* см. § 26а.6; и.с. муж. *marə-ḡul* (греч. Μάρκελλος, лат. *Marcellus* 'Маркелл?'); вместе — 'в священство Марекула'. Слово *šta-lu* 'мать эта' — относится ли к усопшей или к ее матери?
 (8) *šla-qa-l* 'шлекень', титул (§ 22б.8), ассимиляция конечного носового см. § 7.1, пример 3; *d'y*, вероятно, *d'y(ə)* — глагол (корень) 'рождать', *-m_{lu}* 'хороший, добрый'; вместе 'шлекеня потомство доброе'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганкин Э. Б. Амхаро-русский словарь. М., 1969.
2. Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
3. Завадовский Ю. Н. Лексический субстрат в арабских диалектах.—Языки Африки. М., 1966.
4. Завадовский Ю. Н. Берберский язык. М., 1967.
- 4а. Завадовский Ю. Н. Семантика имен собственных в помощь дешифровке мероитского языка.—Проблемы семантики, М., 1972.
5. Каднелльсон И. С. Напата и Мероэ—древние царства Судана. М., 1970.
6. Коростовцев М. А. Египетский язык. М., 1961.
7. Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. М., 1963.
8. Коростовцев М. А. Фонологическая система новоегипетского языка.—Эллинистический Ближний Восток. Византия и Иран. М., 1967.
9. Охотина Н. В. Язык зулу. М., 1961.
10. Периханян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности.—«Переднеазиатский сборник», II. М., 1966.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Изд. 4-е, М., 1967.
12. Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 1948.
13. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
14. Тураев Б. А. Несколько египетских надписей из моей коллекции. V. Нубийские древности из моего собрания.—«Записки классического отделения русского археологического общества». Т. 7. СПб. 1913.
15. Юшманов Н. В. Амхарский язык. М., 1959.
16. Яковлева В. К. Язык йоруба. М., 1963.
17. Arkell A. J. An Old Nubian Inscription from Kordofan.—AJA. 1951, № 4.
18. Arkell A. J. A History of the Sudan from the Earliest Times to 1821. 2 ed. L., 1961.
19. Dunham D. Notes on the History of Kush.—AJA. 1946, № 1.
20. Frobenius L. Atlantis. Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas. Bd 4. Märchen aus Kordofan. Jena, 1923.
21. Galand L. A propos d'une comparaison entre les écritures lybico-berbère et méroïtique.—MNL. 1972, № 9.
- 21а. Gardiner A. H. Egyptian Grammar. 2 ed. L., 1950.
22. Garstang J. Meroë, the City of Ethiopia. Ox., 1911.
23. Gelb I. A Study of Writing. Chicago, 1963.
24. Greenberg J. H. Studies in African Linguistic Classification. New Haven, 1955.
25. Griffith F. Ll. Karanög. The Meroitic Inscriptions of Shablul and Karanög. Philadelphia. 1911 (University of Pennsylvania Eckley Coxe jun. Expedition to Nubia, vol. 6).
26. Griffith F. Ll. Meroitic Inscriptions. P. 1—2. L., 1911—1912 («Archaeological Survey of Egypt». Memoire 19, 20).
27. Griffith F. Ll. Meroitic Studies. II.—JEA. 1916, № 1—2.
- 27а. Griffith F. Ll. Meroitic Studies. III—IV.—JEA. 1917, № 1—3.
28. Hillelson S. Sudan Arabic. L., 1925.
29. Hintze F. Die sprachliche Stellung des Meroitischen.—«Afrikanische Studien». B., 1955 (Deutsche Akademie der Wissenschaften, Institut für Orientforschung, Veröffentlichung № 26).
30. Hintze F. Studien zur meroitischen Chronologie und zu Opfertafeln aus der Pyramiden von Meroe. B., 1959 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Abh. Jg. 1959, № 2).
31. Hintze F. Die meroitische Stele des Königs Tanyidamani aus Napata.—«Kush». Vol. 8. Khartoum, 1960.
32. Hintze F. Zu den in «Kush», vol. VII, p. 93 ff. veröffentlichten meroitischen Inschriften.—«Kush». Vol. 9. Khartoum, 1961.
33. Hintze F. Die Inschriften des Löwentempels von Musawwarat es-Sufra. B., 1962 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.—Abh. Jg. 1962, № 1).
34. Hintze F. Die Struktur der «Deskriptionssätze» in der meroitischen Totentexten.—MIO. Bd 9. H. 1. B., 1963.
35. Hintze F. Some Problems of Meroitic Philology.—«Meroitica». 1. Sudan im Altertum. B., 1973.
36. Hintze F. Meroitische Verwandtschafts Bezeichnungen.—MNL. 1974, № 14.
37. Jansen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. B., 1958.
38. Katznelson I. S. The Study of the History of the Napatan and Meroitic Kingdom: Present State and Tasks.—«Meroitica», 1. Sudan im Altertum, B., 1973.
39. Leclant J. Les Etudes Méroïtiques. Etat de question.—BSFE. 1967, № 50.
40. Leclant J. et Heyler A. Préliminaires à un répertoire d'épigraphie méroïtique.—MNL. 1968—1970.
41. Lepsius R. Nubische Grammatik. B., 1880.
42. Lethem G. L. Colloquial Arabic. Shuwa dialect of Birnu, Nigeria and the Region of Lake Tchad. L., 1920.
43. MacMichael H. A. The Tribes of Northern and Central Kordofan, New Impressions. L., 1967.
44. Meinhof C. Die Sprache von Meroe.—ZfE. Bd 12. H. 1. Hamburg, 1920.
45. Millet N. S. and Heyler A. A Note on the Particle be-s.—MNL. 1964, № 2.
46. Millet N. S. A Possible Phonetic Alternation in Meroitic.—«Meroitica». 1. Sudan im Altertum. B., 1973.
47. Monneret de Villard U. Inscrizioni della regione di Meroe.—«Kush». Vol. 7. Khartoum, 1959.
48. Monneret de Villard U. Testi meroitici della Nubia Settentrionale.—«Kush». Vol. 8. Khartoum, 1961.
49. Nikolow W. A. Консонантный коэффициент.—«Lingua Posnanien-sis». Vol. 7. Poznan, 1960.
50. Priese K.-H. Nichtägyptische Namen und Wörter in den ägyptischen Inschriften der Könige von Kush. I.—MIO. Bd 24. H. 2. B., 1968.
51. Priese K.-H. Zur Entstehung der meroitischen Schrift.—«Meroitica». 1. Sudan im Altertum. B., 1973.
52. Randall-MacIver D. and Woolley C. L. Areika. With a Chapter of Meroitic Inscriptions by F. Ll. Griffith. L., 1909 (University of Pennsylvania, Eckley Coxe jun. Expedition to Nubia. Vol. 1).
53. Schenkel W. Meroitisches und Barya Verb. Versuch einer Bestimmung der Tempusbildung des Meroitischen.—MNL. 1972, № 11.
54. Shinnie P. L. Meroë. A Civilization of the Sudan. L., 1967.

55. Trigger B. G. A Meroitic Tomb Inscription from Toschka West.—«Postilla». Yale Peabody Museum of Natural History. 1962, № 72.
56. Trigger B. G. Meroitic and Eastern Sudanic — a Linguistic Relationship.—«Kush». Vol. 12. Khartoum, 1964.
57. Trigger B. G. The Languages of the Northern Sudan: A Historical Perspective.—JAH. Vol. 6, № 1, 1966.
58. Trigger B. G. Meroitic Language Studies: Strategies and Goals.—«Meroitica». 1. Sudan in Aliterum. B., 1973.
- 58a. Trimmingham A. J. S. Sudan colloquial Arabic. L., 1946.
59. Vergote J. A. Phonétique historique de l'égyptien. Louvain, 1945.
60. Vycichl W. The Present State of Meroitic Studies.—«Kush». Vol. 6. Khartoum, 1958.
61. Zawadowski Y. Le rôle des nègres parmi la population tunisienne.—«En terre de l'Islam». Lyon, 1942.
62. Zawadowski Y. Notule sur une possible contamination de l'alphabet méroïtique par le système libyco-berbère.—MNL. 1971.
63. Zawadowski Y. Some Considerations on Meroitic Philology.—MNL. 1972, № 10.
64. Zyhlarz E. Das meroitische Sprachproblem.—«Anthropos». Bd 25. Wien, 1930.
65. Zyhlarz E. Zum Typus der kaschitischen Sprachen.—«Anthropos». Bd 55. Wien, 1960.

Addenda: Книга F. Hintze «Beiträge zur meroitischen Grammatik» (Meroitika 3, Berlin, 1979) не могла быть учтена, поскольку получена после того, как настоящая работа была подготовлена к печати.

СОКРАЩЕНИЯ

Кар.	— Караног, см. № 25.
П. С.	— Палестинский сборник.
Шаб.	— Шаблул, см. № 25.
AJA	— American Journal of Archaeology.
BSFE	— Bulletin de la Société Française d'Égyptologie.
JAH	— Journal of African History.
JEA	— Journal of Egyptian Archaeology.
MI	— Meroitic Inscriptions, см. № 26.
MIO	— Mitteilungen des Instituts für Orientforschung.
MNL	— Meroitic Newsletters.
MS	— Meroitic Studies, см. № 27.
REM	— см. № 40.
ZfE	— Zeitschrift für Eingeborenensprachen.

амх.	— амхарский
араб.	— арабский
арх.	— архаический
ассир.	— ассирийский
афф.	— аффикс
вар.	— вариант
греч.	— греческий
дем.	— демотический
евр.	— еврейский
егип.	— египетский
и. с. жен.	— имя собственное женское
и. с. муж.	— имя собственное мужское
копт.	— коптский
лат.	— латинский
лив.	— ливийский
магр.	— магрибский
меронт.	— меронитский
новонуб.	— новонубийский
сем.	— семитский
сем. хам.	— семитохамитский
сир.	— сир. сирийский
совр.	— современный
ст. нуб.	— старонубийский
судан.	— суданский
суф.	— суффикс
указат.	
местоим. суф.	— указательный местоименный суффикс

§ 24. Класс глагола	71
§ 25. Класс местоимений	73
§ 26. Класс частиц	75
Заключение	78
Приложения	79
Таблицы	81
Тексты с комментариями	95
Литература	98
Сокращения	101

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	10
Археологические исследования и основные источники	11
Краткий исторический очерк	17
Дешифровка мероитской письменности и современное состояние изучения мероитского языка	25
Письмо	33
§ 1. Система письма	33
§ 2. Знаки для гласных	37
§ 3. Особые знаки	39
Фонетика и фонология	41
§ 4. Система консонантизма	41
§ 5. Система гласных	45
§ 6. Сонанты	47
§ 7. Морфонемика	48
Лексика	50
§ 8. Общая характеристика	50
§ 9. Заимствования	51
§ 10. Аналогии	52
Морфология словообразования и грамматические средства	54
§ 11. Корень и основа	54
§ 12. Повторы частей корня	55
§ 13. Аффиксы	56
§ 14. Сложения слов	57
§ 15. Служебные слова	58
§ 16. Порядок слов и аффиксов	59
Морфология словоизменения	61
§ 17. Категория рода	61
§ 18. Категория числа	63
§ 19. Категория детерминации	64
§ 20. Категории склонения и спряжения. Согласование	64
Морфологические грамматические классы или части речи	65
§ 21. Подкласс имен существительных	66
§ 22. Подкласс имен прилагательных	68
§ 23. Подкласс имен числительных	70

Юрий Николаевич Завадовский,

Исидор Саввич Кацнельсон

МЕРОИТСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Редактор Г. А. Давыдова
Младший редактор Н. И. Платонова
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор Э. С. Теплякова
Корректор Л. И. Письман*

ИБ № 14053

Сдано в набор 04.01.80. Подписано к печати 07.08.80. А-01886. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,5. Уч.-изд. л. 4,57. Тираж 1000 экз. Изд. № 3671. Тип. зак. № 1. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28